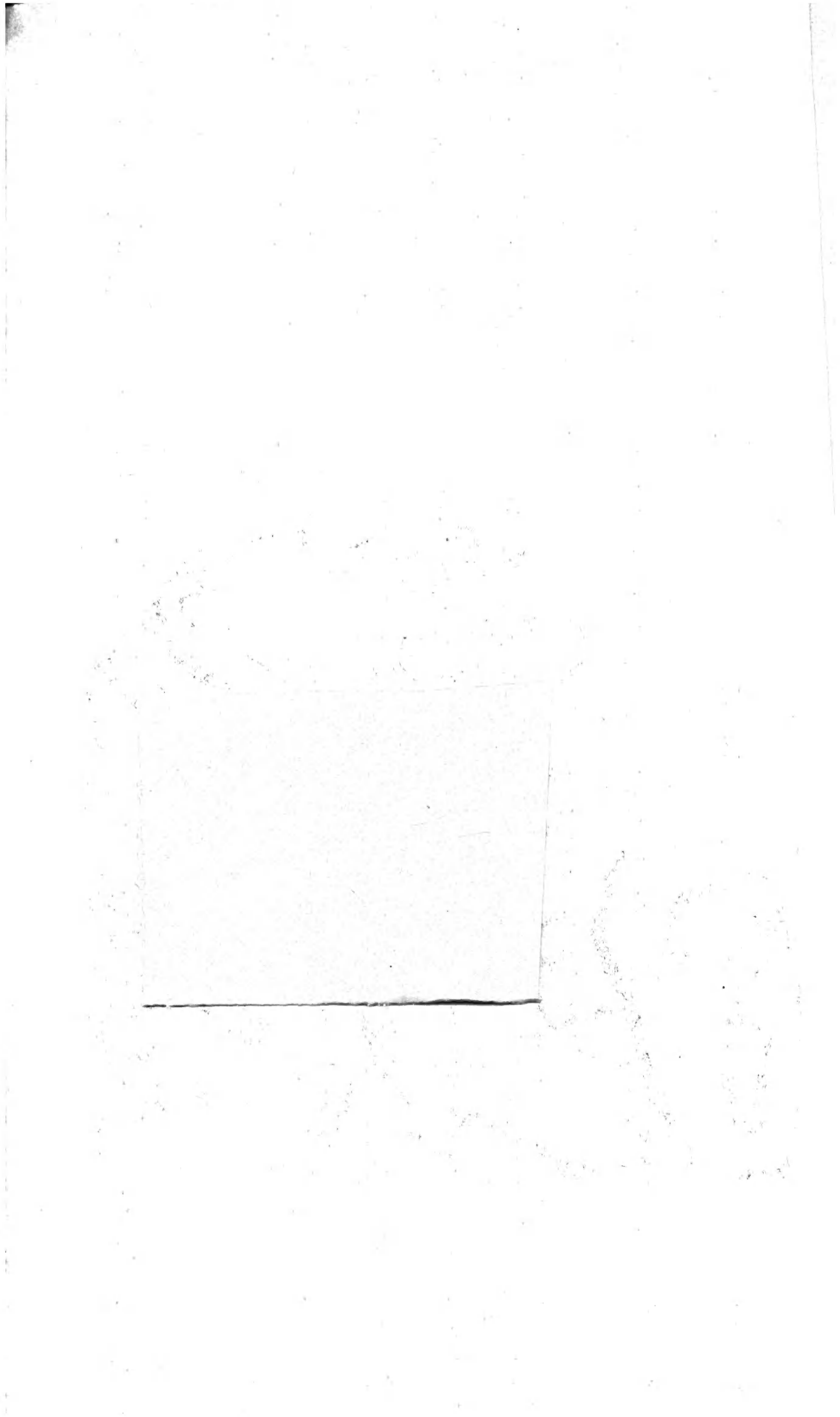
Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

СКАЗЫ О ДРЕВНИХ КУРГАНАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Серия «Страницы истории нашей Родины»

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

СКАЗЫ О ДРЕВНИХ КУРГАНАХ

Ответственный редактор
д-р ист. наук *В. Е. Ларичев*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1981

Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах.— Новосибирск: Наука, 1981.

Книга посвящена археологическим исследованиям на территории Красноярского края, где сохранилось много древних курганов. Описывается борьба сибирских ученых XIX в. за сохранение памятников старины и уникальных коллекций древностей, подводятся некоторые итоги многолетних работ Красноярской археологической экспедиции. Автор раскрывает картину быта и верований древнего населения степей бассейна Енисея.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Эльга Борисовна Вадецкая

СКАЗЫ О ДРЕВНИХ КУРГАНАХ

Ответственный редактор
Виталий Епифанович Ларичев

Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы СО АН СССР

Редактор издательства *Н. М. Анджиевская.* Художественный редактор *О. М. Кудрявцев.* Технический редактор *Г. Я. Герасимчук.* Корректоры *Г. И. Шведкина, О. Ю. Ашмарина*

ИБ № 10359

Сдано в набор 19.12.80. Подписано к печати 25.05.81 МН 05561. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 3. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Ус. печ. л. 5,9. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд. л. 6. Тираж 150 000 экз. (2-й завод 50001—100000). Заказ № 403. Цена 40 коп.

Издательство «Наука». Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

В $\frac{0507000000-254}{054(04)-82}$ 30—81НП

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважение к прошлому страны — все равно, что уважение к родителям.

Д. А. Клеменц

Свыше 250 лет ученые изучают прошлое народов Сибири, сохранившееся в легендах, поверьях, сюжетах древнего искусства, в погребенных под дюнами и насыпями жилищах и могилах. Широкие археологические исследования ведутся в степной части Среднего Енисея и его притоков, где сосредоточены следы пребывания древних племен, живших здесь с каменного века вплоть до средневековья. Археологи называют этот район «страной классических сибирских древностей». Согласно современному административному делению, он охватывает южную часть Красноярского края, включая Хакасию, и имеет географическое название «Минусинская котловина». Степи и лесостепи котловины опоясаны отрогами Кузнецкого Алатау, Западных и Восточных Саян, большей частью покрытых тайгой, служившей естественной границей обитания древнего населения.

Здесь, на берегах Енисея, в зоне Красноярского моря, с 1958 по 1975 г. работала Красноярская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Раскопаны свыше четырех тысяч древних могил, десятки стоянок, скопированы сотни рисунков с камней и скал. Полученные сведения и уникальные находки позволили воскресить быт, искусство, религии древних людей.

* *
*

На обширной территории сибирских степей с каждым годом все большее количество курганов попадает в зону строительства. Впереди отрядов строителей идут группы археологов, осуществляющие работы по сохранению древних памятников в соответствии с законом об их охране. Рассказу о труде людей этой профессии и посвящена книга. В ней повествуется также об истории изучения района «Минусинских котловин», о наиболее интересных открытиях, которые посчастливилось сделать ученым, исследующим этот на редкость богатый находками край.

МИФЫ О МОГИЛЬНОМ ЗОЛОТЕ НА ЕНИСЕЕ

В те далекие от нас времена, когда русские крестьяне переселялись на «вольные земли» Сибири, обживались на новом месте, когда местное население нищало, пронесся слух о сокровищах сибирских курганов. Говорили, что в древних могилах, принадлежавших якобы прежним обитателям края — «татарам чингизханова царства», хранятся несметные богатства, награбленные во многих странах. И вскоре в сибирских слободах и острогах появились предприимчивые искатели легкой наживы, открывшие для себя источник доходов: раскопки «бугров» — курганов, сооруженных над древними могилами. Грабителей стали называть «курганщиками», а чаще «бугровщиками».

Этой ситуацией воспользовались воеводы Тары, Томска, Красноярска и других городов. Они снаряжали целые отряды из «гуляшников», которые отправлялись на разграбление могил. Золотые и серебряные вещи грабители делили между собой, часть добычи забирали воеводы. Ценные находки, нередко разломанные и разбитые, «бугровщики» сдавали в кассы и приказы, меняли на пиво и водку, продавали. Масштабы разграбления сибирских могил были столь велики, что молва об этом дошла до Москвы.

Из донесения царю Алексею Михайловичу от 1670 г. читаем: «В прошедшем году в ведомостях сибирской губернии из Тобольска показано, что в Тобольском уезде, около реки Исети и в окружности оной, русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду, чего ради велено взять известия: откуда те татары в прежние лета такое золото и серебро получали или из которого

государства оное к ним привожено было»[1]. Проезжающие в Китай и Монголию послы и путешественники докладывали, что на Иртыше русские разрывают «бугры» и сыскивают золотые стремена и чаши, а недалеко от Томска находят около праха покойника значительное количество золота, серебра и меди, драгоценные камни, в особенности же рукоятки мечей и оружие.

В 1688 г. боярин Федор Алексеевич Головнин — воевода сибирский и оберкригскомиссар его царского величества Петра Алексеевича — совершал путешествие по Сибири. Спустившись по Иртышу к Оби, он оказался свидетелем обвала берега. Вместе с глыбами земли упал деревянный ящик, в котором оказались кости человека, остатки серебряных браслетов, ожерелье и серебряный сосуд с изображением воинов со щитами и стрелами, маленьких человеческих фигурок, оленей и гор. Будучи во главе чрезвычайного московского посольства в Голландии в 1698 г. Ф. А. Головнин оставил этот сосуд на память крупному ученому, бывшему члену голландского посольства в Москве, Николаю Корнелию Витзену, другу Петра I. Н. К. Витзен вел оживленную переписку со своими корреспондентами в России и получал от них различные находки из Сибири. Особенно интересными оказались две посылки, полученные им в 1714 и 1717 гг. Они содержали около 40 золотых вещей превосходной художественной работы, в том числе гривны, поясные бляхи и другие украшения с изображением зверей.

Сокровища из сибирских курганов пополняли и другие коллекции. В 1715 г. Никита Демидов, основатель уральских горных заводов, преподнес в дар царице «богатые золотые могильные сибирские вещи и сто тысяч рублей денег». Коллекция состояла из литых блях с изображением борьбы зверей и шейных гривн с фигурками зверей на концах. Петр I по достоинству оценил сибирские сокровища и немедленно распорядился о дальнейшем их приобретении. Уже через два месяца от сибирского губернатора князя Гагарина поступило 10 золотых предметов, а спустя год еще более 100. Ныне все три коллекции составляют знаменитое собрание художественных золотых изделий, известное в Эрмитаже под названием «Сибирской коллекции Петра I». Эти уникальные предметы были

Рис. 1. Золотая бляха из Сибирской коллекции Петра I, 1716 г. Эрмитаж.

сделаны искусными мастерами VII—II вв. до н. э. и найдены в курганах Приалтайской равнины.

На запрос сибирского губернатора князя Черкасского, покупать ли золото, которое находят в могилах, последовало два указа. По первому было велено «золото, которое годится в передел, покупать настоящей ценой без передачи». Второй объявлял «курьезные вещи... покупать Сибирскому губернатору или кому, где надлежит настоящей ценой и не переплавливая, присылать в Берг и Мануфактур-Коллегию, а в оной, потому же не переплавливая, об оных докладывать Его Величеству»[2]. Петр I одним из первых указал на значение сохранения древностей. Им было издано много разнообразных указов и распоряжений собирать не только золотые древние вещи, но и «каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, ...старые надписи на каменьях, железе или меди, или какое старое необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно тако ж бы приносили, за что будет довольная дача, смотря по вещи; поне же не видав, нельзя положить цены»[3]. В его указе от 11 июля 1718 г. «О размере вознаграждения за выры-

тые из земли археологические предметы, с приказанием делать чертежи, как что найдут» говорится: «За человеческие кости, за все, ежели чрезвычайного величества, тысячу рублев, а за голову пятьсот рублев. За деньги и протчия вещи, кои с потписью, вдвое, чего они стоят. Один гроб с костями привесть не трогая. Где кладутца такие, всему делать чертежи, как что найдут»[4]. Стремясь не только получать сведения о старинных предметах, но и прекратить хищническое разграбление курганов, Петр I повелел «гробокопателей, что сыскивают золотые стремена и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут»[5].

В те годы, когда создавались описанные указы, Петр I послал в Сибирь небольшую научную экспедицию под руководством датского ученого Д. Г. Мессершмидта. Идея ее создания зародилась во время посещения Петром I Парижа, где французская Академия наук просила его назначить экспедицию в Северо-Восточную Сибирь для решения вопроса о соединении Азии с Америкой. В 1716 г. в Данциге Петр I осмотрел музей естественноисторических коллекций профессора Брейна и попросил рекомендовать ему ученого, который мог бы заняться собиранием коллекций и исследованием естественных богатств России. Брейн назвал своего приятеля, доктора медицины, обладающего обширными знаниями также в истории, географии, ботанике и в других науках, Даниила Готлиба Мессершмидта. Позже Д. Г. Мессершмидт был вызван в Петербург. С ним заключили контракт, по которому он обязался ехать в Сибирь для «физического ее описания». Во время своего семилетнего путешествия на весьма скромные средства Д. Г. Мессершмидт сделал очень много: собирал растения, набивал чучела птиц и зарисовывал их, составлял карты, разыскивал старинные рукописи и неустанно хлопотал у сибирских властей, чтобы ему доставляли всякие «к древности принадлежавшие вещи». В частности, в донесении, поданном 18 апреля 1721 г. в Томскую приказную палату коменданту В. С. Козлову, Д. Г. Мессершмидт писал: «...По указу Царского Величества велено мне в Сибирской губернии и во всех городах приискивать потребных трав и цветов, коренья и всякой птицы и прочее,... также могильных всяких древних вещей,

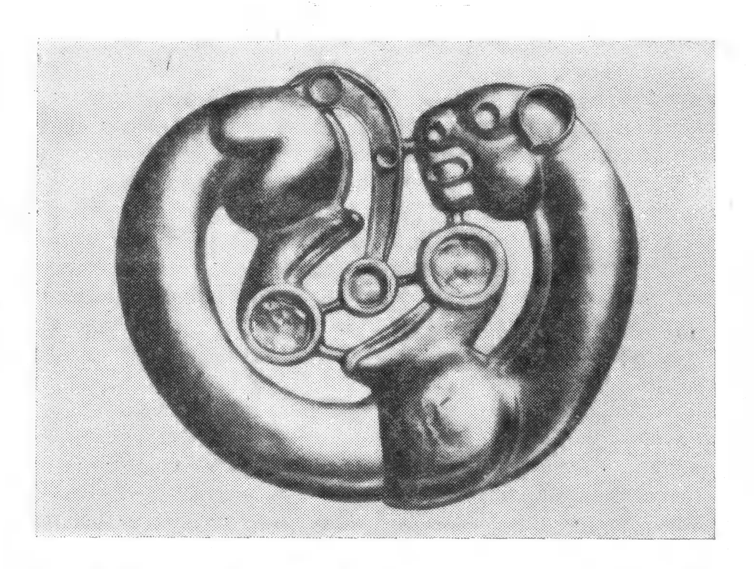

Рис. 2. Золотая пантера из Сибирской коллекции Петра I, 1716 г. Эрмитаж.

шайтаны медные и железные и литые образцы человеческие и звериные и калмыцкие глухие зеркала под письмом, и велено о том в городах и в уездах публиковать в народ указом и буде, кто такие травы и коренья и цветы и древние вещи могильные и все вышеобъявленное, чтобы приносили и объявляли мне, и буде из тех вещей явится, что потребное, и за те могильные вещи дана будет плата немалая»[6].

Помощником известного путешественника в его нелегком странствии был ссыльный швед Филипп Иоганн Табберт. С ним Д. Г. Мессершмидт познакомился в 1720 г. в Тобольске и сразу же обратился к властям с ходатайством о включении его в свою группу. Филипп Иоганн Табберт, впоследствии получивший дворянство и фамилию Страленберга, в 1709 г. сопровождал Карла XII в его походе против России, участвовал в Полтавской битве, был взят в плен и сослан в Сибирь, где пробыл 13 лет. Получив позволение путешествовать по Сибири, Ф. И. Страленберг составил ее подробную карту, которую позднее, следуя в Швецию, вручил Петру I. Два года Ф. И. Стрален-

берг был верным спутником Д. Г. Мессершмидта. В книге «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии», изданной в 1730 г. в Любене, он поведал миру многое из того, что записывалось в дневниках обоими учеными.

Путешественники подробно описывали свои маршруты и наблюдения, в том числе и слухи о расхитителях могильных сокровищ. Указы Петра I о собирании древностей претворялись в жизнь медленно, и гробокопательство продолжало оставаться промыслом. Русские, проживавшие по верхнему течению Оби, занимались не только хлебопашеством и торговлей мехом, деньги они зарабатывали также раскопками в степи. По последнему санному пути жители окрестных деревень группами по 200 человек и более отправлялись далеко в степь. Затем они разбивались на отряды и расходились в разные стороны, «но лишь настолько, чтобы всегда иметь между собой сообщение и в случае прихода калмыков и казаков быть в состоянии защищаться; им нередко приходилось с ними драться, а иным и платить жизнью»[7]. Часто копали «напрасно», ибо находили лишь разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивались. Только иногда удавалось найти золотые и серебряные предметы, состоящие из деталей конской сбруи, панцирных украшений.

Самому Д. Г. Мессершмидту даже для царя «не удалось добыть ничего курьезного». Правда, больших денег ученый при себе не имел, сильно торговался, а древние изделия оценивал не по красоте и их художественным достоинствам, а по весу, содержанию в них золота и серебра. «Пришел бугровщик или могильщик Илья и предложил мне купить у него красивую могильную серебряную, позолоченную чашечку с изящно высеченными на ней листьями, весом в 67 золотников, требуя 12 коп. за золотник, что составляло всего 8 рублей 4 коп. Я предложил ему 7 коп. за золотник, что составляет 4 рубля 69 коп. Затем он предложил еще медную чашку чеканной работы в 1 фунт 32 золот. весу за 30 коп. Но он не согласился на цену, предложенную мною за чашечку, а за неполучением жалования и по недостатку денег мне пришлось отказаться от нее в надежде, что со временем он, может быть, уступит ее за более дешевую цену»[8]. Были у пу-

тешественников основания опасаться обмана. Так, в одной из деревень на Оби слуга и переводчик Петр Кратц пытался купить великолепное медное ожерелье, покрытое золотом. Спереди к ожерелью были подвешаны два маленьких медных позолоченных льва. «Крестьянин выдавал все ожерелье как золотое и требовал 60 рублей, но сведущие люди, бывшие с Петром, оценили золото только в 7—8 рублей». Редко покупая, Д. Г. Мессершмидт усиленно разыскивал могильные вещи, приценивался, выбирал, но встречал мало ценного, попадались главным образом серебряные чаши, поясные пряжки, украшения сбруи. Повсюду в степи ученые встречали курганы, изрезанные, словно ранами, свежими шурфами. По словам бугровщиков, «ничего ценного» в них не находили. Д. Г. Мессершмидт считал, что, дескать, ранее могилы были полны золота и серебра, а в настоящее время они уже разрыты русскими настолько, «что нужно обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть еще на что-нибудь». Желание иметь собственное представление о сокровищах, скрывающихся в курганах, побудило Д. Г. Мессершмидта самому раскопать несколько могил.

Осенью 1721 г. ученый прибыл в Абаканский острог. Государственным указом было велено построить острог на реке Абакан. Между тем он был основан в 1707 г. «посланным из Томска сыном боярским Ильей Цицуриным и Красноярским сыном боярским Кононом Самсоновым с красноярскими служилыми людьми»[9] в 60 верстах от устья Абакана, на песчаном правом берегу Енисея. Очевидно, «красноярские служилые» нашли это место более подходящим, назвали же острог Абаканским в силу приказания построить его на реке того же имени. По этой причине многие до сих пор часто путают село Абаканское, или Абаканск, с расположенным в другом месте современным городом Абаканом. На самом деле Абаканский острог — это переименованное позже село Краснотуранское, ныне затопленное Красноярским морем. В 1721 г. село Абаканское, состоящее из деревянной церкви, крепости с медной пушкой и немногих жилых дворов, производило унылое впечатление, а незнание русского языка и непривычность быта местного населения усугубляли одиночество Д. Г. Мессершмидта, с не-

терпением ожидавшего приезда своего помощника. Ф. И. Страленберг прибыл 22 декабря, и путешественники сразу же приступили к исследованию окрестностей и выбору кургана для раскопок. В канун Нового года к Д. Г. Мессершмидту явился казак Григорий с сообщением о том, что знает поблизости курган, вокруг которого стоят камни с выбитыми на них знаками и фигурами. Опасаясь приказного, казак не подъезжал близко к кургану.

По единогласному заверению здешних служивых, «могила до сих пор еще не была рыта». Д. Г. Мессершмидт послал с казаком слугу Петра удостовериться и 3 января 1722 г., с трудом выхлопотав у приказного трех лошадей, отправился следом на противоположный берег Енисея. С ним был Страленберг, переводчик Петр, повар Андрей, денщик Данила и 16-летний Густав Шульман, умеющий рисовать. Ночь все провели на берегу у разведенного костра. Утром ученые остались на месте привала, а их помощники отправились на «могильные работы». Вернувшись под вечер, они сообщили, что нашли большие камни и дерево, под которым, очевидно, лежит покойник. На следующий день Мессершмидт сам осмотрел место раскопки, но поскольку «при осмотре оказалось, что придется копать еще очень глубоко, чтобы добраться до настоящего места, а погода стояла очень суровая», вернулся в Абаканский острог. С рабочими остался Ф. И. Страленберг. В насыпи кургана над гробницей они прорыли шурф глубиной до 3 м и «после большого количества выброшенной земли нашли ясно различимые кости скелета» и несколько обломков серебра и меди, «что возбудило надежду найти там еще больше вещей». Но сколько дальше ни копали, ничего не нашли, кроме разбросанных человеческих костей, доказывавших, что могила уже была разграблена, а поэтому 6 января «бросили работу». Таким образом, сотрудники Д. Г. Мессершмидта раскопали курган тем же способом, что бугровщики: пробили шурф сквозь насыпь до могилы, что-то выбрали из земли, большую же часть найденного разбросали и ничего не приметили. Однако для самого Д. Г. Мессершмидта раскопка кургана имела и научное значение. Как потом объясняли участники поиска, «заставил же доктор копать здесь

потому, что хотел узнать, каким образом эти язычники в старину устраивали свои могилы. С этой целью он набросал также небольшой эскиз могилы»[10]. С тех пор 6 января 1722 г.— день первой раскопки кургана— принято считать началом сибирской археологии. О других попытках раскопок Д. Г. Мессершмидта известно лишь, что 19 августа 1722 г. он еще раз направил «деньщиков и служивых» раскапывать могилы в Усть-Абаканской степи, но те «вернулись, ничего не добившись». Итак, несмотря на слухи, экспедиция Мессершмидта золота в могилах не нашла, да и вообще «могильного» золота почти ни у кого не видела.

Все ученые, путешествовавшие по Сибири после Д. Г. Мессершмидта, собирали старинные вещи и раскапывали, где представлялся случай, древние могилы. Среди предметов, которые им удавалось приобрести, в частности, из курганов степей Енисея, золотых вещей не было, но между тем слухи о «могильном» золоте продолжали распространяться. Летом и осенью 1739 г. в этих местах побывали участники сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции Беринга — академики Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. Наряду с другими указаниями, они имели инструкцию о том, что «все и всякого рода камения, или развалены здания или палаты, старые гробы или кладбища, статуи, сосуды скульптурные или глиняные, ветхие и новые, идолы или болваны, славнейших градов виды и положения места крепости и прочие иные нарисовать прилежно должен, а иные ежели можно будет и сюда привести подобает»[11]. Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер, историограф, интересовался главным образом местными архивами, копировал древние надписи, приобретал для Академии наук находки из курганов. Его спутник Иоганн Георг Гмелин был натуралистом, но он также производил раскопки, описывал встречающиеся на пути археологические памятники. В Красноярске путешественники узнали о множестве курганов, некогда вскрытых в местностях, прилегавших к Абаканскому и Саянскому острогам и о привезенных оттуда вещах. По слухам, здесь когда-то находили столько золота и серебра, что лет 12—15 тому назад «золотник золота» в Красноярске и Енисейске можно было «купить за полтину». Серебро попадалось

также очень часто, но в большинстве случаев оно было поддельным. «Из поддельного серебра встречали разные сосуды, при покупке которых иные были обмануты и заметили подделку уже впоследствии». Красноярск, по сведениям И. Г. Гмелина, «прежде был таким местом, где можно было приобрести изрядное множество древностей, да и теперь еще в этом отношении заслуживает предпочтения перед другими местностями». Это не удивительно, поскольку почти все равнины к востоку и западу от Енисея, «не покрытые лесами, до самого подножья Саянских гор изобилуют курганами». Некоторые из этих древних могил «прежних обитателей татар чингизханова царства» путешественники вскрыли и «нашли иные еще в таком виде, в каком они, вероятно находились в то время, когда были сооружены»[12]. Но вещей из драгоценных металлов в них не было. Зато ученым удалось купить бронзовые вещи, вырытые в абаканских и саянских степях: фигурки оленей, баранов на маленьких колокольчиках, кинжалы, ножи. Раскопав много могил на Иртыше, чтобы проследить их внутреннее состояние и положение костей, Миллер и Гмелин также не нашли ничего, по их мнению, интересного. Потеряв надежду отыскать самому что-нибудь ценное, И. Ф. Миллер купил несколько золотых изделий на Колывано-Воскресенском заводе и по возвращении из Сибири отдал их в Кунсткамеру. Исходя из собственных наблюдений, ученый пришел к выводу, что на Енисее «вместо золотых и серебряных украшений и сосудов, кои находят в других могилах, все состояло из красной меди». И тем не менее бугровщики продолжали верить в могильные сокровища. «Еще много людей застал я в Сибири,— отмечает И. Ф. Миллер,— кормившихся прежде такой работой; но в мое время никто больше на сей промысел не ходил, потому что все могилы, в коих сокровища найти надежду имели, были уже разрыты. Не инако как люди ватагами ходя на соболиный промысел, так и здесь великими партиями собирались, чтобы разделить между собой работу и тем скорее управиться со многими курганами»[13]. Видимо, действительно, при Миллере для раскопок курганов уже редко собирались «ватагами», опасаясь указа «дабы никто под жестоким наказанием в степь

для бугрования не ездил», но бугровщики-одиночки продолжали заниматься этим промыслом. С одним из них И. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин имели встречу.

1 октября 1739 г. путешественники вместе с двумя художниками переправились на лодке из Абаканского острога на левый берег Енисея, в место Копен-Карагас близ деревни Абакано-Перевозной. Здесь находилось множество древних могил, «издавна придававших этой местности немалое значение вследствие золотых и серебряных вещей», которые там «находили в довольно значительном количестве». К моменту приезда сюда И. Ф. Миллера почти все могилы были уже вскрыты. На этом древнем кладбище ученые застали старика, жившего в подземной лачуге около могил и кормившегося «раскапыванием их». Старик-бродяга, некогда проживавший в Селенгинске, уже 30 лет «обитал» в здешних местах. Он был известен под именем Селенги и «считался почитателем этих остатков древности». Все 30 лет отшельник провел среди здешних могил, устроил себе тут землянку и отлучался лишь затем, чтобы променять в кабаке кое-что из своих находок на водку. Он копал беспрерывно могилы разных эпох. Киркой подымал большие камни, а лопатой выгребал из могил землю и золу. Под старость у него отсохла левая рука, тогда он стал привязывать к ней лопату и, налегая на нее грудью, копал землю. Говорили, старик нашел большие сокровища, но «не зарывает их снова, опасаясь, может быть, что после него явится другой Селенга, которому они причинят столько же труда как ему самому». Бугровщик, оказавшийся человеком незаурядной наблюдательности, сообщил ученым много подробностей о том, как выглядят могилы под каменными и земляными насыпями, какие вещи сопровождают мертвых. Селенга утверждал, что под плоскими каменными насыпями среди пепла ему попадались золото и серебро, притом «большей частью в слитках». В это можно поверить. Видимо, речь шла о средневековых могилах древних хакасов, которые сжигали своих умерших в одежде и украшениях, а пепел с остатками несгоревших вещей захоранивали. Различные металлические украшения при сжигании превращались в «слитки».

Спустя 30 лет после путешествия Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина степи Енисея посетил знаменитый ученый-путешественник Петр Симон Паллас, профессор естественной истории, ботаник, этнограф, участник экспедиции, снаряженной Екатериной II. П. С. Паллас также встречал людей, которые в прошлом были одиночками-бугровщиками. Они сообщали много «диковинного», но не скрывали, что находили в могилах главным образом медные вещи и значительно реже украшения из серебра и золота. П. С. Паллас сам произвел раскопки нескольких курганов, но «ценных предметов» не обнаружил[14]. Случай свел известного путешественника с ссыльным Дмитрием Васильевым. Тот рассказал древнее предание о монгольском Алтын-хане, кочевавшем на Черном и Белом Июсах. Перед бегством в Монголию хан зарыл клад около скалы Анло на левом берегу Белого Июса, к югу от села Ужур. Перед скалой лежали кости животных и Д. Васильев выдавал их за остатки специальных жертв, которые приносили местные жители духам-хранителям клада. Этим суеверием он пытался привлечь П. С. Палласа и других к поискам сокровищ под скалой. Видимо, ученый поверил в предание, так как послал к Д. Васильеву своего сотрудника, студента Зуева, но раскопки, очевидно, оказались безуспешными.

Описанный случай интересен тем, что в нем нет даже отзвука слухов о золотых могильных богатствах, вместо них появляются разнообразные версии о зарытых кладах, часто приводящие к сумасбродному кладоискательству. Молва о подобных «чудачествах» порой доходила даже до Петербурга. Так, уже в середине XIX в. ачинский чиновник Росляков узнал следующую легенду: 200 лет назад зайсан качинских татар, услышав о появлении русских, бежал под Ачинск, где для сохранности зарыл под одним из курганов клад, состоящий из серебряных и золотых вещей, монет, драгоценных камней. Для приметы у кургана на расстоянии 300 м друг от друга был поставлен ряд камней. Собрав все сведения, Росляков в 1853 г. нанял трех рабочих, отыскал курган и втайне разрыл его. Под земляной насыпью кургана кладоискатели наткнулись на плиты, образующие подобие ящика, закрытого

плитой толщиной в 1 м. Раскопки были прекращены «по недостатку средств и дозволения». В течение последующих 10 лет чиновник добивался продолжения работ и категорически отказывался передать дело другому лицу.

В это время многие в России проявляли интерес к истории и археологии. Русская интеллигенция хорошо понимала важность охраны древностей от разрушений. Первоначально работу по охране исторических ценностей выполняли отдельные научные общества, но вскоре для координации их деятельности возникла необходимость в создании центрального учреждения.

Им стала имп. Археологическая комиссия, учрежденная 2 февраля 1859 г. первоначально в виде опыта на три года, но просуществовавшая вплоть до революции. В задачи Комиссии входило: «1) разыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собирание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятников древностей; 3) ученая оценка откапываемых древностей». Для изыскания древностей комиссия должна была раскапывать курганы, следить за земляными работами при проведении линий железных и иных дорог, «дабы на сколько окажется возможным воспользоваться этими случаями для археологических открытий». Раскопки в Сибири стали проводиться систематически под контролем Археологической комиссии, которая выдавала специальный документ, разрешающий ведение раскопок и требовала подробного отчета о результатах работ. Всем местным чиновникам вменялось в обязанность содействовать археологам. В результате было раскопано множество курганов. В могилах находили много посуды, оружия, украшений, но золото встречалось в единичных бусинках, сережках и тоненьких листочках, которыми обтягивались глиняные и деревянные пуговицы и бляшки, деревянные ножны, древки стрел. Никакой рыночной стоимости эти кусочки золота иметь не могли. Осмотрев в 1898 г. всю археологическую коллекцию Минусинского музея, золотопромышленник археолог-любитель И. П. Кузнецов-Красноярский пришел к заключению, что золото для

древних могил по реке Абакан не характерно. Бугровщики между тем продолжали свою хищническую деятельность и иногда показывали золото в слитках, добытое ими якобы в могилах.

Ныне бугровщиков давно нет. Раскопаны тысячи могил, но найти неграбленную — редкая удача. Потому-то и бытует до сих пор представление, что все зло в бугровщиках, искавших золото в царстве мертвых.

С 1960 по 1975 г. на юге Красноярского края только одной Красноярской археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР было раскопано более четырех тысяч могил энеолита, бронзового и раннего железного веков. Золотая серьга, два золотых и несколько серебряных колец, множество обрывков тонких золотых листочков, немного позолоченных бусин, серебряная чарка — вот практически весь «урожай» драгоценных металлов, хотя встречались могилы и неграбленные, либо ограбленные только частично.

Так неужели все слухи о «могильном» золоте — лишь плод фантазии? Не совсем. Серебряные, позолоченные и даже золотые вещи действительно встречаются на Енисее, но редко и главным образом в курганах, относящихся к VII—XII вв. н. э. В них обнаруживают железные стремена и другие украшения, инкрустированные серебром, серебряные обкладки седел, серебряную и позолоченную посуду, реже предметы из золота. Приведу несколько примеров. В 1846 г. крестьянами из деревни Верхняя Биджа на горе Калмыковой, расположенной в 3,5 км от деревни, были разрыты курганы с каменными насыпями, под которыми нашли более двадцати серебряных сосудов. В могильнике, где некогда жил и грабил бугровщик Селенга (Копенский чаатас), советские археологи

Рис. 3. Серебряный кубок из могилы у села Батени. Раскопки С. А. Теплоухова.

Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев в 1937—1940 гг. отыскали золотые серьги, браслет, позолоченные бляхи, в ямках-тайниках — серебряное позолоченное блюдо с четырьмя золотыми сосудами и золотую тарелку. В 1934 г. у поселка Капчальского баритового рудника в Уйбатской степи сотрудница Минусинского музея В. П. Левашева в могилах обнаружила золотой браслет, сбруйные наборы из золотых, серебряных и бронзовых украшений, серебряные украшения пояса, деревянные статуэтки баранов с серебряной и бронзовой обкладками туловища и с золотой обкладкой головы. В 1936 г. на огромном могильном поле в 6 км от станции Уйбат в тайниках, помимо других разнообразных вещей, были найдены серебряный сосуд с надписью, стремена, покрытые инкрустированным серебром, железные удила, украшенные головами баранов и растительным узором с золотой насечкой, позолоченная фигурная бляха-накладка, деревянная фигурка барана, обложенная листовым золотом. Серебряные сосуды попадались под Красноярском (Часовенная гора) в более поздних могилах, относящихся к XIII—XIV вв. Напомним, что в основном именно серебряные и позолоченные сосуды видели, а иногда покупали Д. Г. Мессершмидт и И. Ф. Миллер. Ценность этих археологических находок определяется не только тем, что они сделаны из драгоценных металлов, но и высокими художественными достоинствами. Некоторые из предметов покрыты богатой накладной или чеканной орнаментацией. Орнамент состоит из растительных узоров и звериных мотивов. Все описанные изделия являются уникальными. Они сопровождали могилы лишь знатных людей. На двух сосудах есть надписи, свидетельствующие о том, что вещи преподнесены племенной знати в виде даров и дани. Многие сосуды не местного происхождения. В 1964 г. на левом берегу Енисея близ села Батени, в 140 км к северу от города Абакан, при раскопках могильника IX—X вв. Красноярской археологической экспедицией были обнаружены подобные редкие изделия: серебряная чарка с золочеными рисунками и уйгурской надписью, бронзовая чаша с циркульным орнаментом на внутренней стороне (примесь белого металла делает ее похожей на серебряную) и тисненые серебряные бляшки, украшавшие пояс.

Интересна граненая чарка на поддоне. Орнаменты и рисунки на ней выполнены тремя приемами: тиснением, резьбой и чеканом. Изображены феникс, лев, две лани, лисица. Надпись на сосуде, сделанная по окружности, гласит: «Держа сверкающую чашу, я сполна обрел счастье». Наиболее вероятное место составления надписи — Средняя Азия.

Тысячи раскопанных в степях Енисея могил доказывают, что слухи о хранящемся в них золоте преувеличены. В наиболее отдаленные от нас века, когда сибиряки еще не научились изготовлять бронзовые орудия и оружие, они использовали для украшения любой самородный металл. С расцветом бронзовой металлургии из бронзы делали все: от мелких бусин и сережек до воинских жезлов и больших котлов. Но иногда бронзовые изделия покрывали позолотой, на погребальные одежды нашивали покрытые золотом пуговицы, бляхи, бляшки. Облицовывали им разнообразные предметы — от бус до моделей кинжалов. Но эти листочки сусального золота не привлекали грабителей. Как металл золото оценили много позже, в эпоху древних хакасов. Именно поэтому оно редко встречается и в захоронениях.

Золотые и серебряные вещи, принадлежавшие хакасской (кыргызской) знати, высоко ценились современниками, и их старались зарыть не в могилах, а «тайниках», подальше от грабительских глаз. Бугровщикам редко сопутствовала удача в поисках этих драгоценностей, и «кормиться» за счет подобных случайностей было невозможно. Грабители копали все подряд, а не только эти каменные хакасские курганы, зачастую плохо различимые на поверхности. Главными «жертвами» бугрования в степях Енисея стали курганы V—II вв. до н. э.— самые многочисленные, с отчетливыми земляными насыпями, каменными оградами, окруженными массивными стелами. Но золотые и серебряные вещи в них не клали. Так зачем же с таким упорством раскапывали курганы не ученые и археологи, а несведущие в истории люди, среди которых были крестьяне, чиновники, купцы и другие? Мотивы были разные: коллекционирование древних вещей, получение денег, любопытство, развлечение.

Мода коллекционировать древние предметы надолго стала бедой археологической науки. Енисейский губернатор А. П. Степанов, человек одаренный, образованный, писатель, буквально заразился этой страстью. Никто теперь не знает его романов, но ученым он известен своей книгой «Енисейская губерния», из которой можно узнать о многих подробностях быта сибиряков начала XIX в., получить любопытную и точную статистическую информацию. Когда Александр Петрович служил губернатором в Сибири, он издавал приказы, запрещающие хищнические раскопки курганов. Однако тогда же полицейским чиновникам он велел скупать все древние находки для своей личной коллекции. По распоряжению Степанова под Красноярском раскапывали курганы, а вещи из них пополняли его собрание ценностей.

Во второй половине XIX в. в Сибири возникают музеи. Теперь они стали скупать древности. Причем продавцу платили больше, если он обстоятельно сообщал о своей находке. И тем не менее открытая ненаказуемая продажа добытого из древних могил приобрела особый размах в конце XIX в. Курганы раскапывали и купцы, и чиновники, но все они, как правило, не доводили дела до конца. Увидев, что это занятие трудное и длительное, «любопытные» предприниматели быстро теряли интерес и прекращали раскопки под предлогом наступившей темноты, дождя или снега. Старые петровские указы, карающие грабителей, давно потеряли силу, хищники перестали таиться. В архиве Московского археологического общества сохранилось письмо некого Иннокентия Бутакова из Тобольска, в котором с нескрываемым цинизмом отражено торгашеское отношение к могильным ценностям типичного кладоискателя: «14 лет, как я занимаюсь раскопками и мною найдено в течение этого времени до 1400 штук предметов, которые были проданы разным лицам. Но как у нас в г. Тобольске покупателей нет, то и мой труд оплачивается самым незначительным образом, а поэтому я решил продавать находки в Россию. Бывали случаи, что у меня брали в Москву и Париж: барон де-Бай купил несколько штук. На основании чего я обращаюсь к Вам с предложением: не желаете ли приобрести мою коллекцию, состоящую из 130 штук,

...за каждую вещь я прошу по 60 коп., в розницу не продаю. Если желаете купить, потрудитесь ответить по ниже указанному адресу, но, если Вас не затруднит, ответьте поскорее, так как в случае отказа с Вашей стороны, я должен буду писать в Петербург, где имею в виду желающих на мою коллекцию...»[15]

Среди предметов, которые продавали музеям или частным лицам, вещей из золота не было, однако бугровщики продолжали утверждать, что их находят. В начале XX в. археолог И. Т. Савенков обратил внимание на то, что выкопанное из могил золото продают, как правило, в виде слитков, а не изделий. Ученого естественно интересовало, где именно нашли золото, но вразумительных ответов он не получал. Тогда его осенила догадка: эти «слитки» были не из курганов, за могильное золото выдается то, что добывалось на приисках.

Золотая лихорадка охватила Сибирь давно. Золотые россыпи были известны на громадном пространстве по отрогам Кузнецкого Алатау, Саянского хребта и его склонам к речным системам Енисея и Чулыма. Наибольшим богатством металла в этом районе отличались россыпи по рекам Амыл, Белый и Черный Июсы. С их разработки началась местная золотопромышленность, появилось множество частных промыслов, основанных купцами, чиновниками, отставными военными. На них нанимались рабочие из крестьян и переселенцев. Со всей страны стекались люди на прииски, многие одиночки-старатели и даже целые артели всю жизнь проводили в поисках драгоценного металла. Часто в долинах золотосодержащих песков находились и курганы. Рабочих с приисков охотно нанимали на раскопки, ибо, хотя они «стоили дороже, но были очень внимательны». После указа 1812 г. «О предоставлении всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати», казалось бы, выдавать приисковое золото за могильное не было необходимости. Однако с «могильного золота» подать не взымалась. Догадка И. Т. Савенкова вполне вероятна. Возможно, не только в XIX в., но и раньше некоторые старатели, желая сохранить в тайне от ученых-путешественников и местной администрации истинные источники своих доходов, выдавали

золото за находки в курганах. Этим, в свою очередь, они способствовали распространению мифов о сказочных богатствах древних могильников Енисея.

Степи Среднего Енисея называют музеем под открытым небом. Именно здесь, как ни где более, сохранились следы ушедших из жизни племен — курганы. До нас эти памятники дошли потому, что племена Енисея широко использовали для сооружения могил камень. Сверху возводили холмы из земли и камня, которые окружали внушительной каменной оградой. Проходили века и тысячелетия, ограды разваливались, надмогильные холмы становились все менее приметными, но видимыми и по сей день. Выделяющиеся на поверхности древние могилы подвергались ограблению. Бугровщики конечно принесли огромный ущерб исторической науке, но могилы грабили и задолго до них. В свое время Д. Г. Мессершмидт был озадачен, когда выбранный им курган, еще не копанный бугровщиками, оказался тем не менее вскрытым. Значит, сибирские курганы «тревожили» неоднократно и в древности, и спустя один или несколько веков после их сооружения и даже современники погребенных. Мотивы ограбления могил вождей понятны. А вот что искали в рядовых, лишенных драгоценностей гробницах спустя буквально несколько лет после похорон, остается загадкой. Впрочем, курганов, разграбленных своими же, известно пока немного. Обычно их грабили чужие. Так, значительному расхищению подверглись кладбища племен XIII—VIII вв. до н. э., называемых археологами «карасукскими». Их грабили тагарцы, жившие с VII в. до н. э. Карасукцы изготовляли массивные бронзовые изделия, которые высоко ценились. Мертвым, помимо украшений, они клали посуду с пищей и нож с куском мяса. Их могилы легкодоступны. Карасукцы ставили каменный ящик в неглубокой яме, закрывали его плитами и окружали невысокой оградкой. Тагарцы же легко проникали в гробницы и извлекали оттуда бронзовые украшения и ножи, а добытое переплавляли в необходимые вещи, соответствующие времени и моде. Добывать бронзу таким образом было много проще, чем в горах. Поэтому грабили все могилы подряд, вопреки собственным верованиям и страху перед мертвыми. Однако сами

тагарцы опасались ограбления своих предков. Для мертвых они выкапывали глубокие ямы, закрывали их прочными деревянными накатами, над могилой возводили массивные каменные сооружения и облицовывали их дерном. Сами же могилы помещали внутри монументальных каменных оград. Именно эти внушительные курганы стали много позже «жертвами» искателей золота.

Чудом сохранившиеся до наших дней курганы «не ломятся» от сокровищ. Но они для археологов сами по себе сокровища. Ведь археологи не охотники за золотом, а следопыты прошлого. Восстановить картину давно минувших лет, оживить эти многочисленные промелькнувшие в истории племена на Енисее можно лишь благодаря курганам. Они являются основным историческим источником, позволяющим судить о древних племенах, поскольку из-за климатических условий здесь почти не сохранились древние жилища. Курганы помогают понять многое. Каждый предмет расскажет специалисту по древней истории больше, чем слитки золота. Ни одна деталь не остается без внимания ученых. Как сделаны гробницы и окружающая их ограда, какой антропологический тип погребенных, их пол и возраст, мясо каких животных клали умершему, в какое время года хоронили, зачем некоторым связывали руки и ноги, почему одних хоронили трупами, а других сжигали, чем объясняется разная форма сосудов и украшений, откуда приходили на Енисей древние племена, куда и кем вытеснялись, — эти и другие вопросы не дают покоя уже нескольким поколениям историков первобытного общества. Кое-что разгадано, ряд вопросов предстоит решить, но коли имеются сотни не раскопанных древних кладбищ, то есть надежда на новые победы археологической науки.

Курганы бесценны, но тем горше видеть, что даже теперь они сотнями исчезают буквально на глазах. К сожалению, потери эти неизбежны: все шире распахиваются и застраиваются степи, земли затопляются водохранилищами, разрезаются оросительными каналами. Но сделать эти потери минимальными — наша национальная задача. Конституция СССР провозгласила охрану памятников истории и культуры заботой государства, долгом и обязанностью граждан.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРСКИХ КУРГАНОВ

Между 1740 и 1770 гг. на реке Минусе, притоке Енисея, было основано село Минусинское. Его первыми жителями были крестьяне, приписанные к Ирбинскому заводу. В 1797 г. в селе появилось волостное правление. С изданием в 1822 г. указа о разделении Сибири на Восточную и Западную была учреждена Енисейская губерния, одно из волостных сел которой предполагалось сделать окружным городом. Выбор пал на село Минусинское. Под присутственные места (для земского, окружного суда и городничего) отвели три крестьянских дома, ввели в них приехавших господ чиновников и 14 января 1823 г. объявили о «почитании с сего числа город Минусинск и присутственных в нем мест открытыми». В жизни села ничего не изменилось, кроме того, что «из жителей был создан караул от каждых четырех домов, четыре человека на каждые сутки по очереди, начиная с первого и продолжая до последнего дома»[1]. В «открытом» городе было несколько больших улиц, да сотня деревянных домов. В нем насчитывалось 787 жителей, среди которых 603 крестьянина и 156 ссыльных. В 60-е гг. в Минусинске проживали уже более трех тысяч человек, в основном мещане из крестьян, отставные солдаты и поселенцы, а также кустари и купцы. Много также было чиновников и неслужащих дворян. Слабая населенность, плохие дороги и неразвитость транспорта мешали развитию промышленности в Минусинске. Ремесло удовлетворяло лишь нужды сельского хозяйства, которым занималось население города. С приездом разных поверенных, приказчиков и других служащих приисков Минусинск оживлялся. Здесь заключались торговые сделки, дого-

воры золотопромышленников с приисковыми рабочими. На выборы в городские должности прибывали богатые купцы, приписанные к этому уезду. В городе было училище, женская и мужская гимназии, строились первые каменные особняки. Вскоре этому заштатному городу, затерявшемуся в сибирской глуши, суждено было стать известным далеко за пределами России. В 1877 г. в Минусинске был открыт музей. С момента своего основания он стал общедоступным учреждением, призванным пропагандировать естественноисторические и технические знания среди населения. Уже через 10 лет после открытия благодаря богатству археологических коллекций его называли лучшим научным музеем Сибири. Известный путешественник-географ Г. Н. Потанин отмечал: «...Заслуги музея значительны перед ботаникой, геологией, но более они ценны перед археологией...» Музей сплотил вокруг себя всех местных любителей археологии, и этот первый сибирский археологический коллектив добился прав на ведение раскопок, получал субсидии от Археологической комиссии, Московского археологического общества, Географического общества. С именами сотрудников музея связано начало систематического исследования степей Енисея. Научный коллектив, образовавшийся вокруг музея, объединял разных по своему социальному положению людей: от политических ссыльных до золотопромышленников. Музей дал им возможность заниматься согласно собственному призванию историей, сельским хозяйством и экономикой, ботаникой, геологией, археологией. Во главе этого коллектива стоял создатель музея Н. М. Мартьянов. Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов, И. П. Кузнецов-Красноярский, И. С. Боголюбский, И. А. Лопатин, И. Т. Савенков были археологами-любителями. Разными путями они пришли в археологию, но их всех объединяли бескорыстная любовь к науке, стремление увлечь изучением археологических памятников Сибири всю русскую общественность и искреннее желание пресечь варварское уничтожение памятников старины.

Имя Николая Михайловича Мартьянова не отделимо от истории музея. В Минусинске оно известно каждому. В усадьбе музея, носящего его имя, Мартьянову сооружен памятник, его именем названа и одна из

улиц города. Такое почитание после 70 лет со дня смерти редко выпадает на долю скромного ученого и краеведа. А между тем еще при жизни он был высоко оценен современниками и награжден орденом. Заслуги Н. М. Мартьянова как блестящего музееведа и краеведа общепризнаны. В 1774 г. он специально переехал из Казани в Минусинск с целью создать здесь музей. Энтузиаст, он смог увлечь своей идеей разные слои минусинского общества и воплотить мечту в жизнь. Почти три десятилетия жизни Н. М. Мартьянов посвятил своему детищу, на скудные средства собирал экспонаты, библиотеку, издавал труды. Его усилия не были напрасными. Чтобы познакомиться с музеем, в далекую Сибирь специально приезжали отечественные и иностранные ученые. Коллекции музея экспонировались на выставках в Екатеринбурге, Красноярске, Петербурге, Москве, Париже.

О жизни Н. М. Мартьянова и его музейной деятельности написано немало. Менее известна его роль в изучении древней истории края. А между тем Минусинский музей еще при жизни его создателя стал крупнейшей сокровищницей древностей Сибири. Большинство средств тратилось на приобретение археологических коллекций, хотя, по собственному признанию Мартьянова, археология его по началу не интересовала, склонности к истории от природы он не имел. Что же столь резко изменило его отношение? Возможно лишь одно объяснение: Минусинский край, страна курганов. Получая от крестьян древние вещи, часто попадавшиеся в почвенном слое при запашке полей, Н. М. Мартьянов постепенно понял, какой увлекательный мир древностей его окружает, заинтересовался археологией и способствовал ее развитию в Сибири. Это как раз и обусловило научную славу музея. Н. М. Мартьянов понимал, что как бы эффектно не выглядели коллекции из случайно найденных вещей, они менее ценны, чем добытые в ходе раскопок. После долгих хлопот музей получил право вести раскопки. Но средств на это, а также на приобретение экспонатов не было. Археологическая комиссия щедро давала деньги сотрудникам Минусинского музея на исследование Сибири, но требовала полной сдачи добытых вещей в Петербург или Москву. Подобное положение было исправлено

лишь после революции. Мартьяновский музей был и научным учреждением. В те годы успех любого музея зависел от наличия поблизости ряда научных обществ. Минусинский музей, расположенный в глубине Сибири, был лишен этого, поэтому его прогремевшую славу часто объясняют личными качествами самого Мартьянова. Эта мысль выражена в письмах его друга и соратника Д. А. Клеменца. «Музей, — писал Д. А. Клеменц, обращаясь к Н. М. Мартьянову, — навсегда останется яркой светлой точкой среди серенькой жизни Сибири, явлением, значение которого достаточно может оценить только будущее. Не хитро сгромоздить на большие деньги и Томский Университет и Маньчжурскую дорогу — другое дело воззвать к жизни бесплодные дебри. Я не думаю, чтобы я преувеличивал значение Ваших трудов, хотя не претендую на беспристрастие»[2]. В другом письме, к Г. Н. Потанину, Клеменц отмечал: «...Мартьяновых, сами знаете, не много на свете...»[3] Но более четко Д. А. Клеменц высказался в письме к председателю Московского археологического общества графине Уваровой: «Всех соблазнил здесь успех Минусинского музея. Ему подражают, но подражают плохо. Главное чего нет — это человека беззаветно преданного делу как Мартьянов. Все они начинают дело, за исключением енисейцев, с постройки домов и на это тратят большие средства, которые пошли бы на собрание материала. Не так легко собирать материал, Мартьянов и тот должен был искать материал повсюду. Скажем без всякого хвастовства, что его делу немало помогли и такие обитатели Минусинска, как Ваш покорный слуга..., дело в том, что душой минусинского начинания был человек, служащий не своим симпатиям и антипатиям, а делу! Дело местных музеев может принести пользу в том случае, когда лица авторитетные и компетентные в науке помогут им, вложат в них часть того священного огня, который обугливает их»[4].

Н. М. Мартьянов объединил вокруг себя местную интеллигенцию, прежде всего ссыльных, обогатил их жизнь научными интересами, привлекая их труд и знания для благородного дела. Он и окружавшие его археологи-любители установили тесные связи с географическими и археологическими научными учреждениями, а также зарубежными учеными и обществами. При

Н. М. Мартьянове были составлены каталог и атлас древностей музея, первая археологическая карта, описаны сосуды из раскопок близ Минусинска и каменные изваяния музея. Поступавшие на хранение вещи не только регистрировались, но и классифицировались, особо интересные экспонаты посылались для определения видным археологам, этнографам, антропологам.

Н. М. Мартьянов сам археологических работ не проводил, но мог дать ценный совет. «Мое введение и каталог,— отмечал Д. А. Клеменц,— не увидели бы света, если бы не настояние Мартьянова». Д. А. Клеменц был крупным ученым, но он очень охотно принимал и ценил помощь, которую ему оказывал Мартьянов. В одном из писем к своему наставнику Клеменц писал: «Мне даже неловко, непривычно начинать работу без Ваших указаний...»[5]

Безусловно, за успехами музея стоит неуемная собирательская энергия Мартьянова, его любовь к Сибири. В письме к Г. П. Потанину он признавался: «Теперь Сибирь моя дорогая родина. Я стремился к ней еще тогда, когда только начал сознательно собирать свою коллекцию. В Сибири, даже по пути в Минусинск, я нашел друзей, в Сибири мне дали возможность осуществить идею о местном музее и устроить его в таком виде, о каком я мечтал чуть ли не с детства. Для Сибири я посвящу все свое свободное время, оставшееся от трудов, для научного вклада и буду вознагражден, коли собранные мной материалы послужат на пользу этой прекрасной страны, хотя бы и в далеком будущем»[6].

Когда Феликс Яковлевич Кон, видный деятель революционного движения, составлял очерк о 25-летней деятельности Минусинского музея, Н. М. Мартьянов решительно возражал против подчеркивания его роли в деле основания и развития музея. Чрезвычайно скромный человек, он всегда старался держаться в тени, щедро расточая похвалы другим. Особенно дружески, с трогательной заботливостью он относился к ссыльному Д. А. Клеменцу. И в самом деле, Дмитрий Александрович Клеменц обладал поразительной разносторонностью интересов. Революционная и литературная деятельность, путешествия, археология, этнография, геология — вот неполный перечень его занятий, ибо он

был еще редактором, увлекался ботаникой, переводил на иностранные языки и кончил четыре курса физико-математического факультета Петербургского университета. Жизнь этого удивительного человека, трудная и необычная, может быть сюжетом не одной книги.

Сначала Д. А. Клеменц учился в Казанском, а затем в Петербургском университете, где организовал революционные кружки, был активным участником «хождения в народ». В 1872 г. он вступил в кружок «чайковцев», в котором играл видную роль. Избежав ареста, революционер перешел на нелегальное положение и несколько раз был за границей, где сотрудничал в зарубежных русских и иностранных журналах, в том числе в журнале П. Л. Лаврова «Вперед». Прячась в 1878 г. на квартире доктора Веймера, Клеменц познакомился и подружился с Верой Засулич, которую разыскивала полиция, и помог ей бежать в Швейцарию. В конце года он вернулся в Россию и стал одним из основателей общества «Земля и Воля», а также главным редактором его печатного органа. В следующем году Д. А. Клеменц был арестован. После более двухлетнего пребывания в Петропавловской крепости, в августе 1881 г., без суда его сослали на пять лет в Якутию. По дороге он заболел, долго пролежал в Красноярской тюремной больнице, а осенью по состоянию здоровья был оставлен в Енисейской губернии, в Минусинске.

В Сибири Клеменц прожил почти 15 лет. Сначала в Минусинске, где начал свои археологические, этнографические и геологические изыскания, потом в Томске. Там он стал членом редакции «Сибирская газета», печатал свои фельетоны под псевдонимом Нургали, одновременно продолжая экспедиции по Енисейскому и Ачинскому округам. Клеменц несколько раз путешествовал по Монголии, а в 1891 г. был активным участником Орхонской экспедиции, исследовавшей разрушенную монгольскую столицу Каракорум. В 1892 г. Д. А. Клеменц поселился в Иркутске, где работал в Восточно-Сибирском отделении Русского географического общества, был сотрудником и редактором «Восточного обозрения». Из Иркутска он отправился в двухлетнюю поездку по Северной Монголии, организовал большую «сибиряковскую» экспедицию по иссле-

дованию Якутии. Позже Клеменц был приглашен Академией наук старшим этнографом в Петербург, где приступил к созданию этнографического музея (теперь Музей этнографии народов СССР) и стал его руководителем. В 1898 г. он предпринял экспедицию в Турфан. В 1910 г. по болезни ученый вышел в отставку, поселился в Москве и стал печатать в «Русских ведомостях» свои воспоминания.

Наибольшую известность Д. А. Клеменц приобрел после Монгольских экспедиций. В Минусинске он делал лишь первые шаги на археологическом поприще, сознавая «как много еще нужно учиться, чтобы ориентироваться надлежащим образом в вопросах археологии, и учиться, когда первая половина жизни давно миновала, можно лишь в том случае, если есть уверенность в пригодности своей для той отрасли, которую делаешь, когда надеешься, что до конца жизни успеешь применить к делу приобретенные сведения»[7]. Но именно здесь, в Минусинске, он, по собственному выражению, приобрел опыт «музейщика школы Мартьянова», испытал страсть к древнему прошлому Сибири, получил навыки полевого исследователя и то огромное чувство ответственности перед наукой, которое нашло отражение во многих его письмах. В этот период в сибирской неволе Клеменц родился как ученый.

Итак, Д. А. Клеменц выехал из Красноярска в Минусинск декабрьским днем 1882 г. По обе стороны тракта, похожего более на проселочную дорогу, часто попадались скопления могильных холмов. Сами холмы, припорошенные снегом, были не заметны, но окружавшие их камни отчетливо вырисовывались на снежном поле. Минусинск удивил опрятностью, вымощенными плитками тротуаров, глухими улицами. Деревянные одноэтажные домики прятались за высокими заборами. Шаги редких прохожих, гулко отдававшиеся на каменных тротуарах, сопровождались непрерывным лаем дворовых собак. Дмитрий Александрович не предчувствовал, что в этом городе он найдет личное счастье, близких людей, что этот город, где «работалось спокойно и тихо», он будет вспоминать всю жизнь.

Уже в первое лето своего пребывания в Минусинске Клеменц отправился с археологом А. В. Адриановым в верховья рек Томь и Абакан. Он осматривал

сибирские курганы, слушал о них легенды, посещал золотые прииски. Нищета нерусских селений ужаснула исследователя. Повсюду виднелись полуразвалившиеся прокопченные избенки с неогороженными дворами. Окна многих были затянуты «брюшиной». Люди ходили в жалких рубищах. Иногда на пути встречались страшные мертвые улусы, в которых оспа уничтожила все население. В редких селениях среди темных хибарок возвышались новенькие двухэтажные домики, украшенные вывеской «Распивочно и на вынос» или «Мелочная лавка». Рядом с селами ютились кладбища: еле забросанные камнями могилы с высунувшимися из-под земли колодинами, ящиками, кусками бересты.

Клеменц собирал растения, горные породы, вел метеорологический дневник, осматривал пещеры и средневековые крепости на горах. Одна из них, гора Карабас, считалась священной. Жители ближайших сел съезжались сюда накануне Ильина дня, приносили в жертву совершенно белых баранов, молили о ниспослании всяческих благ. По заклании животных начиналось пиршество, продолжавшееся несколько дней. Однажды Д. А. Клеменц уговорил проводника, и тот еще до рассвета проводил исследователя до этой горы. Д. А. Клеменц вскарабкался на вершину и нашел там небольшие глиняные фигурки животных. В тот год он познакомился с археологическими древностями края, был свидетелем раскопок А. В. Адрианова. Некоторые курганы поразили его воображение, вызвали большой интерес, и через два года он обратился в Петербург за разрешением начать раскопки. Но это было позже. А в то лето 1883 г. Клеменца просто тянуло «к лесу темному, берегам Енисея, к дюнам, утесам, горам». Его археологические занятия не имели обязательного характера и определенной цели, а сопутствовали геологическим исследованиям. В 1885 г. Н. М. Мартьянов привлек Д. А. Клеменца к работе по составлению каталога древностей музея. Это потребовало кропотливого изучения всего, что было уже сделано по сибирской археологии. С присущей ему увлеченностью Клеменц приступил к написанию археологического каталога, который по настоянию Мартьянова был опубликован в 1866 г., хотя автор предполагал выступить с работой несколько позже и в последствии раскаивал-

ся, что не настоял на своем. Книга вышла под названием «Древности Минусинского музея». Снабженная обстоятельным предисловием, она как бы подводила итог всех имеющихся сведений по археологии края. Эта содержательная работа пользуется популярностью и сегодня. Книга принесла автору известность в археологических кругах. Им заинтересовались Археологическая комиссия и Московское археологическое общество. Клеменц послал составленную им археологическую карту в Петербург и получил уведомление от барона Тизенгаузена о том, что карта будет опубликована в трудах «Сибирские древности». «Комиссия,— говорилось в письме,— благодарит и препровождает при сем удостоверение на получение из Томского губернского казначейства 120 рублей, назначенных за означенный труд. Вместе с тем Археологическая комиссия считает достойным обратиться с просьбой уведомлять о всех случайных открытиях каких-либо древностей..., что сможет послужить к достижению преследуемого комиссией научного учения»[8]. Вскоре сибирский археолог стал членом-корреспондентом Археологической комиссии и Московского археологического общества. У него завязалась переписка с председателем Московского археологического общества графиней П. С. Уваровой, которой Клеменц сообщал о нуждах местной археологии, необходимости исследования разрушавшихся курганов. Ему было поручено изготовить копии предметов из частных коллекций и принять участие в составлении общесибирской археологической карты.

Заботясь о сохранении древних памятников, Д. А. Клеменц вывез из степи в Минусинский музей два каменных изваяния (одно изображало женщину с распущенными волосами, второе — рогатое трехглазое существо с человеческим лицом), изучал быт местного населения, много времени отдавал географическим и топографическим экспедициям. Не обошлось без неприятностей. Его дважды пытались ограбить проводники сойоты и тувинцы. В 1886 г. «дело решилось рукопашной схваткой», а в следующем году он чуть не погиб. Желая воспользоваться его имуществом, проводники завели путешественника в непроходимую местность и скрылись в надежде, что он заблудится и

погибнет. Клеменц, однако, не растерялся. Лошадей он потерял, но собственноручно сделал плот из семи бревен и выплыл на нем по порожистой реке, фарватер который совершенно не был известен. Эти происшествия отнюдь не охладили пыл неутомимого исследователя. В письме к П. С. Уваровой он замечает: «Мне всегда становится досадно, глядя на роскошную флору нашей тайги, что ей так мало пользуются и как будто не признают необыкновенных красот. Говорю это как человек лично знакомый с лучшими местностями побережья Средиземного и Адриатического морей... Может быть лучшие часы своей жизни провел я среди той обстановки, где на границе вечных снегов, на голых каменных россыпях растет и цветет во всей красе сибирский родедендрон»[9].

В октябре 1886 г. с Д. А. Клеменца был снят надзор полиции. Срок ссылки кончился. Несколько ранее, 18 августа, он женился на начальнице женской гимназии Минусинска Елизавете Николаевне Зверевой. Осенью 1887 г. молодая семья переехала в Томск. На новом месте жилось неуютно, остро ощущалось отсутствие друзей, особенно таких, как Н. М. Мартьянов. Дмитрий Александрович скучал по Минусинску и в последующие три года использовал любую возможность навестить близких себе людей и поработать в музее. Даже вернувшись в 1904 г. в Петербург, он ездил вновь в Минусинск, чтобы повидать своего неизлечимо больного учителя. Тогда же, только переехав в Томск, Клеменц писал своему минусинскому другу: «Скучно знаете ли мне как-то без Вас и работа идет вяло. Я так уже привык делиться с Вами всякой всячиной, что испытываю теперь большое лишение в недостаточности обмена мыслей. Эх, какое будет удовольствие повидаться со всеми Вами, господа Минусинцы, да еще весной»[10]. Живя в Томске, Клеменц вынужден был постоянно искать заработок. Он сотрудничал в «Сибирской газете», давал уроки политической экономии, посылал статьи в разные журналы, ибо «за уплатой долгов мало остается на прожиток, а денег нужно,— не голодом же морить молодую жену, а она когда еще найдет себе занятие». В Томске он познакомился и быстро подружился с Г. Н. Потаниным, которого просил похлопотать о получении места в Восточном отде-

лении Сибирского географического общества в Иркутске. Но отъезд туда задержался, так как в 1888 г. Клеменц получил право и деньги на раскопки в Енисейской губернии. Разрешение на раскопки имело вид официального документа под названием «Открытый лист на 1888 г.» В нем говорилось: «Выдан этот лист г. Дмитрию Александровичу Клеменцу Императорской Археологической комиссией на право производства археологических раскопок в течение 1888 года на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям в пределах Минусинского и других округов Енисейской губернии с обязательством доставить в Комиссию отчет или дневник по произведенным работам, а также при особой описи всех находок наиболее ценные и интересные из найденных предметов...» В наши дни документ, разрешающий вести раскопки тому либо иному лицу, сохранил название «Открытый лист». Он выдается ежегодно Институтом археологии АН СССР. Раскопки без наличия «Открытого листа» считаются незаконными.

Получив возможность самому проводить археологические исследования, Д. А. Клеменц с конца мая и весь июнь 1888 г. работал в окрестностях села Чебаки на реке Черный Июс, где раскопал шесть курганов. А в июле он объехал всю систему Черного и Белого Июсов, составляя подробное описание найденных курганов, пещер, средневековых крепостей в горах, писаниц. Осенью до снега и морозов археолог раскапывал большой курган под Ачинском. В тот же год с помощью жены он раскопал по поручению Московского общества еще шесть курганов близ Минусинска. В его письме, посланном в июле из села Чебаки к Н. М. Мартьянову, по этому поводу говорилось: «У меня вот какой план есть. Археологи мне дали право копать курганы по всей Сибири, если в Ачинске на это присланы деньги Уваровой, я из Красноярска отправлю к Вам Лизу. Пусть она копает курганы около Минусинска. Она раскопала два кургана самостоятельно, а при Вашем содействии дела не испортит. Аккуратная. Я ей дам доверенность, как своему помощнику начать дело, а после приезда засвидетельствую результаты. Все это говорю к тому, чтобы с официальной стороны не было придирок. Я ей даю поручение раскопать 5 могил под

моим контролем и ответственностью»[11]. По мнению Д. А. Клеменца, близ Чебаков добыто много интересного, а раскопки под Минусинском «были несчастными», поэтому «делать какие-либо заключения на основании одних пробных раскопок, к тому же настолько неудачных... было бы дерзостью неизвинительной»[12]. Курган, представляющий «интерес совершенной новизны», находился в четырех верстах от села Назарово на левом берегу Чулыма. Его показал археологу один из назаровских крестьян. Это был земляной холм высотой до 2 м и диаметром около 40 м. Под насыпью на глубине 3 м Д. А. Клеменц обнаружил грунтовую яму площадью 42 м^2, крытую бревнами и берестой. В ней были похоронены не менее 100 человек, в том числе 20 детей. Трупы были положены ярусами, большинство ориентировано головой к северу. Кости залегали сплошной массой. В могиле находились глиняные и бронзовые сосуды, бронзовые кинжалы, чеканы, ножи, шилья, зеркала. Большинство предметов имело необычные размеры—миниатюрные, они были сделаны специально для погребения.

Для раскопок следующего года Д. А. Клеменц выбрал курган большого могильного поля в Уйбатской степи. Курган привлек внимание монументальной земляной насыпью высотой 4,5 м и диаметром 50—60 м, а также расположенной рядом вереницей 22 высоких камней, поставленных на равном расстоянии друг от друга. На некоторых из них были высечены изображения. Будучи связанным многочисленными «службами», Д. А. Клеменц начал раскопки кургана в 1889 г., а кончил только в 1890 г. Под насыпью на глубине 4,5 м оказалась бревенчатая камера площадью около 60 м^2 с бревенчатым потолком и полом. Поверх потолка залегала прослойка хвороста, а выше был сооружен двойной берестяной купол толщиной в 30 см каждый, «вроде юрты громадных размеров». От погребального костра, разведенного на верху купола, камера сгорела, поэтому количество погребенных установить не удалось. Можно лишь предположить, что их было много, поскольку толщина слоя сожженных костей достигла 60 см. Камеру уже грабили, поэтому вещей в ней было немного. Помимо железных кинжалов, глиняных сосудов и погребальных масок всюду встречались куски

листового золота, служившего обкладкой предметов и украшений. Золотые листочки покрывали тяжелые глиняные бусы и пуговицы. В насыпи кургана Клеменц раскопал могилу, одна сторона которой была из камня, другую составляла загородка из палок и жердочек. Скелет захороненного в ней мужчины, лежал на боку, под голову подложен камень, на груди православный крест, на ноге железное стремя, а у бедра остатки мешочка с табаком. Местные рабочие сказали, что «он схоронен не то по-русски, не то по-нашему». Вблизи не было нерусского кладбища, местные старожилы не помнили, чтобы у них хоронили на этом месте, поэтому Д. А. Клеменц предположил, что здесь похоронен один из погибших грабителей кургана.

Очень похожий курган, но меньшего размера раскапывала тогда же близ села Тесь Минусинского округа финская археологическая экспедиция под руководством И. Р. Аспелина. Д. А. Клеменц ездил на раскопки к финнам, чтобы лично убедиться в сходстве находок. «Новая страница в археологии Сибири готова развернуться перед нами»,— таков был его вывод при сопоставлении обоих курганов. Его приезд оказался как нельзя кстати для растерявшихся иностранцев, которых тесинские крестьяне принуждали вновь закопать раскопанный курган, за что требовали значительную сумму денег. Д. А. Клеменц, хорошо знающий психологию крестьян, уладил дело. В Археологическую комиссию по поводу этого конфликта он писал: «Говоря по совести, раскопка Аспелина никаких неудобств для крестьян не представляет. Она дала им заработок такой, какой они не имели давно и долго. Домогательство крестьян вызвано было соображением — от чего не попробовать попользоваться на счет какого-то чудака-немца, не знавшего наших порядков, у которого должно быть денег много, но который старается тратить их возможно бережливо и торгуется ради всякой мелочи. Крестьянин никогда не решился бы предъявлять своих претензий, например, к золотопромышленнику, потому, что цель и смысл его работы совершенно понятен крестьянину. Золотопромышленник делает дело, а заезжий немец, по своей милости делает странности, поэтому отчего с него не взять с последнего сотню рублей»[13]. Для самого Клеменца, «знавшего ме-

стные порядки», засыпка могил не была проблемой. По обычаю после окончания любых работ, наниматель должен поить рабочих водкой. За это угощение в виде любезности рабочие вместе с Клеменцем принимались закапывать кости, находя со своей стороны, что «хотя это и чудские, а все-таки человеческие кости и бросать их зря не годится»[14].

Дмитрий Александрович постоянно подчеркивал, что он археолог-самоучка, чернорабочий. Однако раскопки он производил лучше других, давал точные описания всех этапов работы в отчетах, прикладывал к последним чертежи траншей и шурфов. Он чувствовал свою ответственность и не хотел быть временщиком в археологии. «Несмотря на весь соблазн Иркутска» и неловкость перед Г. Н. Потаниным, Клеменц отложил отъезд из Томска до окончания работ на Уйбатском кургане. «Потом ни Московские, ни Петербургские археологи,— писал он,— не простят меня, если не доставлю им в скором времени отчета, а тогда сломаются все надежды на дальнейшее продолжение работы»[15]. Выполнив полностью свои задачи, в 1892 г. Клеменц переехал в Иркутск, где открывались новые возможности «для научных знаний и выполнения принятых на себя обязательств перед учеными обществами...»[16]

Посвятив себя археологии, Д. А. Клеменц с присущей ему энергией боролся против расхищения археологических древностей. И это не удивительно, ибо он был осведомлен, как продаются сибирские коллекции за границу, видел множество курганов, искалеченных не невежественными людьми, а имеющими претензию на образование, из любопытства, из желания добыть несколько редкостей; знал каким образом получают многочисленные кладоискатели дозволение на раскопку в Сибири. К нему самому однажды осенью пришел финский пастор с предложением раскопать несколько курганов, чтобы добытые вещи послать в Финляндию. Дмитрий Александрович откровенно высказал пастору, что подобные раскопки ничего не дают для науки, а наносят большой вред. «Пастор, вероятно, будет копать без меня,— с грустной иронией предположил ученый,— а памятники доисторических эпох будут растаскиваться по разным музеям и учреждениям и ни в одном

достаточно полными не будут»[17]. Годы продумывал Д. А. Клеменц «Проект об охране древностей против расхищения, о приведении в известность имеющихся памятников и коллекций». Незадолго до возвращения в Петербург он выслал этот план Н. М. Мартьянову для передачи Археологической комиссии. Судьба проекта не ясна. В делах Комиссии его нет. Между тем этот документ стоило бы изучать и ныне, ибо он явился «результатом 12-летней работы в Сибири, постоянных сношений личных, путем переписки и расспросов». Увлекшись археологией случайно и неожиданно, Д. А. Клеменц был верен этому увлечению многие годы, из-за чего и остался жить в Сибири. «Срок моей ссылки давно истек, я имею право возвратиться в Россию, поступить на государственную службу, имею право быть избранным в члены ученого общества и остаюсь в Сибири добровольцем ради того только, что мне не хочется бросать начатые научные работы, не сведя их к каким-либо определенным результатам..., но..., если я отказался от скорого возвращения на родину, живу здесь в суровом непривычном для меня климате исключительно ради научных интересов, то надобно же мне по возможности полно удовлетворять этим стремлениям, чтобы не считать потерянным проведенное здесь время»[18].

Свое первое сибирское путешествие Д. А. Клеменц, как уже говорилось, совершил летом 1883 г. совместно с А. В. Адриановым. Сибиряк А. В. Адрианов (учитель, чиновник, публицист, редактор) первоначально больше увлекался географией и этнографией чем археологией. Он жил в Томске, когда в городе с большим успехом выступал с лекциями об Алтае вернувшийся оттуда писатель и член-корреспондент Археологической комиссии Н. М. Ядринцев. «Приезд Ядринцева, его рассказы об Алтае, а также мои мечтания, чтение кое-какое об Алтае до такой степени взбудоражили меня, что я хоть с котомкой за плечами не прочь удрать в горы и шляться в них»,— писал в 1880 г. А. В. Адрианов. Г. Н. Потанина он просил организовать ему поездку через Географическое общество[19]. Узнав, что поездка состоится на следующий год, А. В. Адрианов не мог скрыть своего восторга: «Эх, если бы мне крылья дали, так я теперь, получив Ваше

письмо был бы на Кемчике, слушал вечером сказки про Чингиз-Хана и какую-нибудь сойотскую шехерезаду. Вы перенесли меня в мир страстных желаний, заставили позабыть на время все на свете, кроме Алтая, этот край с некоторых пор стал предметом моих сокровенных дум и мечтаний... Осуществятся ли эти мечты?» Исполнилось больше, чем грезилось А. В. Адрианову. В 1881 г. состоялись его поездки на Алтай, в Туву и Минусинские степи. По первоначальному же замыслу он должен был посетить Монголию, а также нарымских и васюганских остяков. О последних он писал Г. Н. Потанину: «Поездки в эти места помимо специального научного интереса для меня имеют еще и то первостепенное значение, чтобы обратить внимание правительства на этот край и выявить меры для прекращения страшного гнета, грабежа и экономической неурядицы существующих здесь и обусловливающих быстрое вымирание инородцев и ужасное расхищение естественных богатств»[20]. К экспедиции А. В. Адрианов готовился тщательно, рассматривая ее как «пробу сил в серьезном поручении, от успешного выполнения которого зависел его кредит у Географического общества». В задачи экспедиции входили обследования фауны, промеры озер, измерение температуры. Однако А. В. Адрианов уже тогда пытался «выхлопотать право разрывать могилы» и взять с собой инструменты для антропологических измерений. Но разрешение на раскопки не было получено даже в 1883 г., когда в ожидании необходимых для экспедиции инструментов и пособий, «чтобы не терять время даром», он впервые на свой страх и риск раскопал на Тагарском острове пять курганов. Впоследствии А. В. Адрианов оправдывался тем, что к этому его побудили «неизведанность истории края и совершавшиеся из года в год разрушение и расхищение курганов». Неизвестно, как отнеслись бы к его поступку научные учреждения, если бы случайные раскопки А. В. Адрианова не привели к сенсационным открытиям. В одной погребальной деревянной камере площадью 25 м² археолог нашел более ста погребений. Там было шесть полных скелетов, много кучек пепла, разрозненных костей и 86 черепов, лежащих небольшими грудами. Причем на некоторых черепах, а также среди кучек

пепла лежали глиняные раскрашенные маски. Они-то и произвели сенсацию в науке. Их сразу же затребовала к себе в Петербург Археологическая комиссия, а позже о них и им подобных находках А. В. Адрианова появились специальные исследования. В то же лето 1883 г. Адрианов осмотрел множество других курганов, наскальных изображений, собрал сказки, легенды, «наслушался чуть не до пресыщения шаманов». Многочисленность увиденных им древних памятников зародила в нем мысль о необходимости создания археологической карты Сибири, прежде всего территории степной части Енисея. Через год в качестве приложения к «Сибирской газете» вышла маленькая брошюра под названием «Курганография Сибири». В ней Адрианов образно назвал курганы «листами непрочитанной книги истории древнего человечества» и выразил опасение их быстрого уничтожения современным практичным человеком. Ставя задачей «посильное ознакомление» с сибирскими курганами, А. В. Адрианов собирал любые сведения о них, участвовал в раскопках. Большие надежды он возлагал на энтузиастов и любителей старины. Чтобы заинтересовать людей, он даже разослал несколько тысяч экземпляров «Курганографии» священникам, волостным и сельским писарям. Однако ответов не последовало. У него оставался единственный путь получения информации — личные розыски и опросы. Но вести их А. В. Адрианов не мог. Имея четырех детей, больную жену, он часто бедствовал и постоянно искал заработка.

К своему замыслу создать археологическую карту он смог вернуться лишь спустя 20 лет, став ревизором управления акцизными сборами Енисейской губернии. На этот раз он составил и издал «Наставления к собиранию материалов для археологической карты Енисейской губернии для Акцизных разъездных надсмотрщиков». Чиновники должны были не только опрашивать жителей и осматривать археологические памятники, но также описывать и наносить их на карту. В качестве инструкции каждый надсмотрщик получал обе адриановские брошюры «Наставление» и «Курганография Сибири», а также записную книжку и карту уезда. Многие чиновники проявили заинтересованность к этому поручению, и работа по сбору материалов была

«в полном ходу». Однако ее результаты остались неизвестными. В архиве А. В. Адрианова хранится несколько докладных писем надсмотрщиков, но ни археологической карты, ни текста к ней пока не обнаружено.

А. В. Адрианову принадлежит заслуга в исследовании большого числа древних сибирских курганов и могил. Лишь в степях Енисея в 1890, 1894—1899 и 1903 гг. им раскопано почти 150 курганов, не считая грунтовых могил, не имеющих насыпей. Его находки составляли богатейшую коллекцию вещей и содержали ценнейшие сведения. Открытые на Тагарском острове погребальные маски оказались не единственными. Аналогичные археолог находил и в дальнейшем. Не менее интересное, чем маски, научное открытие ожидало его в 1903 г., когда на горе Оглахте под Абаканом он обнаружил гробницы с остатками мумифицированных трупов в одежде, а также куклы из травы и кожи, изображавшие умерших. На лицах кукол и мумий тоже лежали гипсовые маски.

Позже А. В. Адрианов переключил свое внимание на изучение петроглифов. Вплоть до 1909 г. он разъезжал по степям, снимал копии с писаниц и наскальных изображений. Труд этот титанический и сложный. Археолог копировал изображения со скал и курганных камней. Несколько изваяний были перевезены им из степей в Минусинский музей.

Свою задачу «маленького провинциального работника» в науке Адрианов определял скромно: «принести посильный труд на умножение научного материала» и «собрать материал тщательнее и подробнее». Обе задачи им были выполнены успешно.

...Большой дом с многочисленными постройками, принадлежавший известному золотопромышленнику П. И. Кузнецову, расположенный в глухой лесистой местности в верховьях Узунжула, всегда был полон гостей. Их привлекали хлебосольство хозяина и охота. Из поместья хозяева и гости выезжали к верховьям Томи или на Белый Июс и охотились в зависимости от сезона на глухаря, белку, соболя, дикую козу, марала и даже медведя. Как местную достопримечательность гостям показывали скопления древних курганов. Увлекались члены семьи и коллекционированием «могильных вещей». Кузнецов-отец подарил Минусинскому

музею свою коллекцию, которая послужила основой археологического фонда. Сын золотопромышленника, Иннокентий Петрович Кузнецов-Красноярский, ставший впоследствии археологом, с двадцатипятилетнего возраста начал посылать свои коллекции в Петербург в дар Археологической комиссии. Являясь слушателем Томского университета, Кузнецов-Красноярский записывал легенды и обычаи местного населения, серьезно занимался историческими документами XVII столетия, хранящимися в сибирских рукописных архивах. На формирование интересов молодого человека большое влияние оказывала атмосфера увлеченности историей края, царившая в его семье. Кузнецовы одобряли, помогали и покровительствовали всем начинаниям Н. М. Мартьянова. Они оказали материальную поддержку экспедиции А. В. Адрианова, были в числе пожертвовавших деньги на создание музея. Сестра будущего археолога финансировала экспедиции самого Н. М. Мартьянова, а также его поездку по музеям России. Сам Иннокентий Петрович выделил средства на издание работ сотрудников музея Д. А. Клеменца и В. А. Ватина. Но его помощь музею не ограничивалась только материальной поддержкой. С разрешения Археологической комиссии в 1884 г. он раскопал для музея 17 древних могил у села Аскиз, в верховьях рек Немира и Узунжула. Раскопки были произведены тщательно: внутри могил землю снимали послойно и просеивали.

И. П. Кузнецов один из первых откликнулся на призыв собирать информацию для археологической карты. Для этой цели в 1884—1885 гг. он обследовал левый берег и притоки Абакана, нашел несколько каменных изваяний, плиту с древнехакасской надписью, которую доставил в музей. По заказу И. П. Кузнецова художник Станкевич, сопровождавший его в маршрутах, сделал 12 акварелей и вычертил шесть планов наиболее крупных могильников. Эти рисунки он подарил музею. Результатом экспедиции явилась изданная в 1889 г. книга «Древние могилы Минусинского округа», в которой И. П. Кузнецов отмечал разновидности встреченных им курганов. Далее И. П. Кузнецов-Красноярский неожиданно прервал свою археологическую деятельность, хотя продолжал отправлять в Петербург дары из своей личной коллекции, вывез в Томский

университет несколько каменных изваяний людей и плит с древними надписями.

Через десять лет он возобновил занятия археологией и опубликовал книги. В одной из них были изданы материалы раскопок 1884 г., во второй — вещи из нового собрания собственной коллекции. В 1909—1915 гг. Кузнецов-Красноярский снова проводит археологические разведки, в основном по территории современной Хакасии. Им были раскопаны два кургана на реке Черный Июс и у озера Шира. Вещи и все отчеты археолог по-прежнему высылает в Петербург, прилагая к ним рисунки и фотографии. Особое место он уделял поискам древних каменных скульптур. В архиве Минусинского музея сохранились его заметки об этих каменных «бабах». В них И. П. Кузнецов-Красноярский пытался установить границу распространения изваяний в степях по рекам Енисей и Абакан, их разновидности, отличия от западносибирских, южнорусских и северомонгольских каменных «баб».

Отмечая большую роль Минусинского музея в развитии сибирской археологии, следует сказать и об Иване Тимофеевиче Савенкове. Он сменил Н. М. Мартьянова на посту директора музея. Самостоятельные археологические исследования И. Т. Савенков проводил в основном в 80-е гг., будучи директором учительской семинарии в Красноярске. В 1883—1885 гг. по поручению Географического общества он совершил несколько экспедиций из Красноярска вверх по Енисею, фиксировал встречающиеся стоянки и курганы, но прежде всего копировал наскальные рисунки. Полученные сведения о памятниках каменного века исследователь опубликовал. Как и многие другие краеведы, И. Т. Савенков занимался составлением археологической карты средней части долины Енисея. Обнаружив неточности в карте Д. А. Клеменца, он выслал свой вариант в Археологическую комиссию. Специальных раскопок в степях Енисея Савенков в то время, за исключением единственного кургана на реке Узунжул, раскопанного совместно с И. П. Кузнецовым, не производил.

В 90-х гг. И. Т. Савенков переехал в Варшаву, где работал инспектором народных училищ. Он очень скучал по Сибири и в письмах к друзьям признавался: «Я здесь лишен общения с природой и наукой, служба

Рис. 4. Изваяние с головой барана из Верхне-Биджинской степи. Фото И. Т. Савенкова, 1910 г.

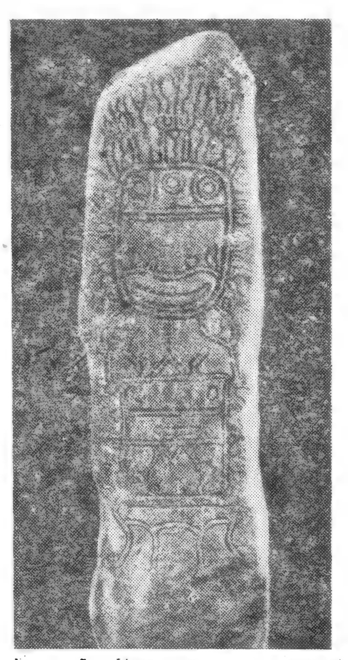

Рис. 5. Изваяние из улуса Тазмин, привезено в Минусинский музей И. Т. Савенковым. Фото 1910 г.

берет все время, все силы и убивает этим научную энергию. Это лишение для меня самое тяжелое и непереносимое. Я мечтаю о возвращении в Сибирь. Теки здешние реки медом и млеком, а меня все-таки тянуло бы на Енисей: сжился я с ним, с его природой, с его людьми. Мне хочется продолжать собирание антропологических, геологических и географических материалов. Я прервал это собирание вопреки моему желанию. Как ни мал мой научный огонек, но мне только около него тепло, только около него я нахожу душевное успокоение»[21]. Вернувшись в Сибирь, И. Т. Савенков начал заведовать Минусинским музеем. Дело это оказалось очень сложным. Новый директор, стараясь сохранить высокий авторитет музея, продолжал издавать отчеты музея и библиотеки, собирал экспонаты, вывозил из степи в музей каменные изваяния, организовывал выставки. В 1910 г. Московское археологическое обще-

ство издало книгу Савенкова «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее». Она содержала рисунки, описания и первую интерпретацию сюжетов древнего искусства, наскальных рисунков и каменных изваяний.

Большого успеха И. Т. Савенков добился, составив археологическую карту. Она оказалась точнее клеменцовской и могла бы принести большую пользу, если бы была закончена. И. Т. Савенков выслал ее П. С. Уваровой в Москву для публикации, чуть позже попросил вернуть на время для уточнения, но так и не возвратил. Остались не выясненными также результаты его раскопок. Для Московского археологического общества И. Т. Савенков в 1910—1911 гг. исследовал два больших кургана в верховьях реки Бирь, на территории современной Хакасии. Судя по сохранившимся фотографиям, им были вскрыты обширные гробницы с немалым числом погребенных и вещей. Известно, что дневники, отчеты, чертежи, а также материалы из курганов он готовил для пересылки П. С. Уваровой. Однако все материалы исчезли, возможно, затерялись по дороге в Москву.

При Н. М. Мартьянове Минусинский музей поддерживал тесные связи с коллекционерами. Неоднократно по просьбе Петербурга или Москвы Николай Михайлович списывался с тем либо другим обладателем древностей, чтобы зарисовать их коллекцию или выступить посредником при ее продаже. Интересные коллекции имели А. В. Адрианов, И. П. Кузнецов-Красноярский, И. С. Боголюбский, англичанин Бойлинг из Енисейска, священник отец Степан из села Абаканского. Среди коллекционеров наибольший след в истории сибирской археологии оставили И. А. Лопатин и И. С. Боголюбский.

Иннокентий Александрович Лопатин обладал богатейшим собранием древностей. Он был внучатым племянником В. Г. Белинского, сыном золотопромышленника Енисейской губернии. Иннокентий Александрович увлекался коллекционированием старых монет и древних поделок. По окончании горного института десять лет он провел в непрерывных геологических экспедициях, а с 1870 г., уйдя в отставку и поселившись в Красноярске, начал систематически собирать

археологические древности. К этому времени Лопатин владел десятью золотыми приисками на юге губернии, что давало средства покупать старинные вещи и раскапывать курганы. К сожалению, И. А. Лопатин имел интерес к раскопкам чисто утилитарный и, хотя время от времени брал разрешения на раскопки из Петербурга, но отчеты чаще не представлял. Он собрал колоссальную коллекцию бронзовых археологических изделий, которую предложил графу Уварову выставить в витринах Исторического музея. Полученные деньги коллекционер намеревался передать Н. М. Мартьянову для проведения раскопок курганов в окрестностях Минусинска. Вероятно, Лопатин находился под большим влиянием сотрудников музея, и это определило его интерес к памятникам старины. Дело в том, что золотопромышленник был двоюродным братом А. В. Малинина, аптекаря Минусинска, близкого друга Н. М. Мартьянова. Благодаря этому родству он подружился с Н. М. Мартьяновым, а позже с Д. А. Клеменцем. Когда Археологическая комиссия приступила к изданию сборника «Сибирские древности», составление первого сборника она поручила академику В. В. Радлову, одновременно обратившись к сибирским губернским статистическим комитетам с просьбой на время получить из музеев и от частных лиц древние вещи или их точные копии. И. А. Лопатин выслал многочисленные оригиналы, которые послужили основой сборника. Он и впоследствии неоднократно высылал в Петербург древние предметы, а в 1906 г. с согласия комиссии всю свою коллекцию пожертвовал Историческому музею [20]. Вопреки договоренности и завещанию, большая часть коллекции Лопатина осталась в Петербурге и хранится ныне в Эрмитаже.

Другой видный сибирский коллекционер Иннокентий Семенович Боголюбский был также по образованию геологом. В 1881—1883 гг., будучи окружным горным инженером, он много ездил по Ачинскому, Канскому и Минусинскому округам. Познакомившись с Д. А. Клеменцем, Боголюбский увлекся археологией и даже стал мечтать, что со временем маленький провинциальный Минусинск назовут Новой Александрией. В служебных поездках геолог собирал коллекцию, осматривал пещеры, курганы и находил в золотоносных песках древ-

ние предметы и кости животных. И. С. Боголюбский был первым, кто еще в 1884 г. раскопал курган для Минусинского музея. Средства на это дал золотопромышленник П. О. Барташев. В кургане находилась одна обширная могила со множеством обгоревших человеческих костей. К сожалению, И. С. Боголюбский исследование кургана не закончил. Более плодотворными оказались его занятия по копированию и описанию надписей на древних плитах, хранящихся в Минусинском музее. При этом И. С. Боголюбский красноречиво излагал свои опасения по поводу истребления бесценных памятников культуры. Это заставило научные общества впервые приступить к необходимой, но кропотливой работе — сбору точных копий рисунков и надписей со скал и могильных камней Енисея.

* * *

Летом 1977 г. Минусинскому музею исполнилось 100 лет. Отмечая юбилей, минусинцы и многочисленные гости города были единодушны: музей явился не просто просветительным учреждением, собирающим и хранящим памятники материальной культуры,— его роль гораздо шире и глубже. Ибо он, сплотив вокруг себя истинных подвижников, людей, преданных своему краю и его истории, вобрав лучшие достижения их пытливой мысли, стал подлинным очагом сибирской археологической науки. Поэтому нельзя не связать успехи современной археологии с заслугами ее начинателей и не вспомнить еще раз слов Д. А. Клеменца: «Музей навсегда останется яркой светлой точкой..., явлением, значение которого достаточно может оценить только будущее».

ДРЕВНИЕ СКОТОВОДЫ СИБИРИ

В 20-х гг. в известном всем археологам селе Батени остановился археолог Сергей Александрович Теплоухов. Он разведывал окрестности, местами закладывал раскопы. Рабочих нанимал тут же, из мужиков, платил поденно. Они копали шурфы с размахом, потому-то до сих пор эти раскопы приметны. Свои исследования Теплоухов начал в 1920 г. с поездки по степям Среднего Енисея в поисках такого места, где бы на ограниченном участке степи встретилось наибольшее количество различных по внешнему виду курганов. Он считал, что нахождение в одном районе могил, которые отличаются друг от друга по устройству, обряду захоронения и сопровождающим умершего вещам, свидетельствует об их принадлежности к разным историческим периодам. Таким районом археолог избрал участок долины Енисея площадью 14×4 км, близ упомянутого села Батени. В первый год Сергей Александрович раскопал всего семь могил, не богатых, но по счастливой случайности неграбленных. Поэтому уже тогда удалось установить, что захоронения относились к четырем периодам эпохи бронзы. В окрестностях села С. А. Теплоухов вел раскопки 9 лет, обнаруживая все новые и новые памятники. В результате здесь ему посчастливилось найти могилы двенадцати периодов и установить последовательность развития культуры древнеенисейских племен от энеолита (конец III тысячелетия до н. э.) до монгольского времени (XIII—XIV вв.). Хронологическая схема Теплоухова, уточненная, развитая, местами исправленная, сохранила свою жизненность до сих пор — случай редкий в истории археологии,

О первых скотоводах Сибири долго ничего не знали. Сами погребальные сооружения оплыли и плохо различались на поверхности земли. Их не замечали ни ученые, ни грабители. С. А. Теплоухов первым раскопал 18 таких едва заметных могил близ села Батени под горой Афанасьевой. Вот почему тех, кто был здесь погребен, стали называть «афанасьевцами».

Участником этих знаменитых раскопок Теплоухова в 1920 г. был студент естественного отделения физико-математического факультета Томского университета М. П. Грязнов. Попал он на раскопки случайно, но они определили весь ход его дальнейшей жизни. Он стал учеником С. А. Теплоухова, а значит, археологом.

Прошли годы. Глубоко под воду Красноярского моря ушло село Батени. Давно нет в живых С. А. Теплоухова. Его ученик М. П. Грязнов стал учителем многих. Исследованы десятки могильников афанасьевских племен не только на Енисее, но и на Алтае. Большинство из них изучено М. П. Грязновым, который руководил одной из самых крупных в нашей стране Красноярской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Раннее утро. В ложбине между гор, вдоль берега узкой речки Карасук («Черная вода») еще безжизненны палатки археологов, но Михаил Петрович, начальник экспедиции, уже возвращается с гор в лагерь и как всегда с цветами. Его страсть к цветам всем известна и порой служит предметом шуток. Куда бы он не торопился, но если на дороге встречается редкий цветок, машина останавливается. Михаил Петрович — сибиряк, но живет в Ленинграде. В его крошечном садике на даче в Старом Петергофе посажено 96 видов деревьев и кустарников. Сибирский кедр, абаканская ива, багульник, жарки, минусинская пикулька постоянно напоминают о родине. Впрочем, Михаил Петрович никогда не отрывался от Сибири, ибо уже более пятидесяти полевых сезонов раскапывает сибирские курганы. Михаил Петрович обладает удивительной наблюдательностью, подмечает детали, ускользающие от внимания окружающих, что выделяет его также и среди большинства ученых. Так, взяв в руки древний глиняный горшок, по едва заметным следам накипи определит, что варилось в нем: каша, мясная или мо-

лочная пища. По форме донышка скажет, как ставили сосуд — в золу или на очаг. Многие вещи, детали хозяйства и быта воскрешаются его реконструкциями. Умение видеть «мелочи» позволило Михаилу Петровичу Грязнову во время работ на речке Карасук проникнуть в одну из археологических тайн, объяснить причину афанасьевских коллективных захоронений.

Древнейшие кладбища, пока найденные лишь на Енисее, относятся к III тысячелетию до н. э. Они оставлены как раз теми людьми европеоидного облика, которых Теплоухов назвал афанасьевцами. Они жили в небольших поселках по 6—10 семей. Пищу добывали охотой и рыболовством, немного занимались земледелием, а главным образом разводили овец, коров, лошадей. Это были первые сибиряки-скотоводы. Умерших хоронили в больших ямах, которые закрывали бревнами и камнями. Вокруг могилы сооружалась круглая каменная ограда высотой до 1 м. В могилу чаще клали 1—2 людей, реже встречаются захоронения до 5—8 человек. Как объяснить появление подобных коллективных могил? Высказывалось предположение, что в них похоронен какой-то знатный человек со своей свитой, которая должна сопровождать его в загробном мире. Но эту версию пришлось отбросить. Дело в том, что обычно человеческие скелеты лежат в одной половине ямы, а в другой — стоят вещи, глиняные сосуды для жидкой пищи, каменные орудия и кости. Иными словами, для всех погребенных клали общую пищу и ставили посуду. Впечатление, что здесь лежат члены рода, абсолютно равные перед лицом смерти. Быть может это убитые воины? Но тогда были бы следы насильственной смерти: пробитые черепа или застрявшие в теле каменные наконечники стрел. К тому же среди похороненных есть не только мужчины, но женщины и дети. Быть может это жертвы эпидемий? Возможно, но нашлось и другое объяснение.

В одной из могил на речке Карасук, где похоронены 5 человек, расположение скелетов оказалось необычным: старая женщина и ребенок 10 лет лежали вдоль стенки ямы параллельно друг другу, кости же остальных были сложены аккуратными продолговатыми кучками, перед каждой из них лежало по черепу. Кто и зачем их сложил? Не грабители, ибо могила не

ограблена. Разгадка была найдена после выяснения одной небольшой детали. М. П. Грязнов заметил, что у всех скелетов, сложенных кучками, недоставало много мелких костей, а на тазовых костях, лопатках и ребрах заметны следы клыков собаки или волка. Значит, тела этих людей раньше находились где-то в другом месте и были объедены собаками или волками. Позже кости сложили в мешки или узлы и в таком виде положили в могилу. При этом часть костей была утеряна. Но вот, что любопытно. Черепа этих скелетов остались неповрежденными. Около одного ушного отверстия была даже серебряная серьга. Очевидно, головы умерших хранили отдельно и высушивали. В свою очередь, эти объяснения вызывают новые вопросы. Как же можно объяснить эти временные захоронения или хранение трупов? Вспоминается, что сравнительно недавно у кетов существовал обычай хоронить умершего зимой человека далеко в тайге на пне срубленного дерева или на высоких помостках-лабазах. Весной труп отвозили на место, где уже имелось несколько захоронений. Аналогичная традиция есть и у тундровых ненцев. Находясь за сотни километров от родовой территории, они зачастую усопшего не хоронили, а, завернув в берестяные «тиски» или в шкуры, укладывали на нарты. Лишь по окончании весенней перекочевки к северу покойника хоронили на одном из родовых кладбищ. Эти обычаи наблюдали в Сибири вплоть до 1935 г. Нечто похожее было и у индейцев Северной Америки. Так, оджибвеи во время праздника мертвых выкапывали останки знатных людей, умерших после предыдущего праздника. Женщины укладывали их в берестяные сосуды, которые покрывали накидками из бобровых шкур, украшенных бисером. Мужчины же, инсценируя битву с женщинами, завладевали этими сосудами и исполняли военную пляску победы. После этого ритуала производилось вторичное и окончательное захоронение.

Видимо, обычай временно размещать в определенных местах некоторых умерших существовал у древних жителей Енисея, афанасьевцев, которые хоронили мертвых по-разному в зависимости от времени года. Они еще не умели изготавливать металлических орудий, рыть окаменевшую землю для могил, а копать деревянными

лопатами было трудно. Значительно проще завернуть труп в мех, тряпки, бересту и подвесить к дереву либо спрятать на время где-нибудь под камнями в ямке. Правда, эти временные могилки иногда разрывали голодные волки, но голова человека, вместилище его души, хитрости, мудрости, оставалась в сохранности, ее, вероятно, сберегали отдельно. Приходила весна, сопровождаемая голодом, эпидемиями, уносившими особенно много людей. С новыми жертвами хоронили часто ранее умерших. Но, видимо, бывало и иначе. В специально установленные сроки, раз в год, а то и реже, афанасьевцы всем поселком выкапывали обширные ямы, клали в них в разное время умерших, для чего иногда некоторых перехоранивали. Всем наравне ставили пищу и необходимые вещи. Яму закрывали бревнами, укладывали поверх них плиты, разводили поблизости поминальный костер и приступали к сооружению вокруг могилы каменной ограды, четко ограничивающей мертвых от живых. Так возникли первые общие могилы.

Наибольшего внимания в этих могилах, помимо изделий из металла, заслуживают украшения. Человек всегда любил себя украшать. И чем древнее захоронения, тем причудливее встречаются в них украшения. Афанасьевцы просверливали камушки, ракушки, чешую осетра, резцы лисицы, сурка, когти медведя и даже фаланги пальцев человеческих скелетов. Из всего этого изготовлялись ожерелья. Еще проще делали бусы из рыбьих позвонков. Украшениям придавалось большое значение. В них таился магический смысл. Они считались личными амулетами, охраняющими человека от злых духов, сопутствовали удаче в том или ином деле. И конечно же, научившись ковать металл, афанасьевцы прежде всего стали делать из него проволочные серьги и кольца. Особенно «модными» были спиральные сережки. Их носили мужчины и женщины, как правило, не в обоих ушах, а лишь в одном. Изредка встречаются серебряные серьги и золотые колечки. На руке старой женщины сохранился кожаный браслет, обшитый белыми аргиллитовыми пуговками и окантованный железными обоймицами. Находка показалась удивительной. Железо в медном веке?! Возможно, если бы браслет был найден при

С. А. Теплоухове, он не смог бы так уверенно считать афанасьевцев одними из ранних жителей Енисея. Браслет отдали в химическую лабораторию Ленинградского отделения Института археологии. Оказалось, что обоймицы сделаны из метеоритного железа. Очевидно, впервые познакомившись с полезными свойствами металла, люди брали его в самородном виде.

О домашних промыслах афанасьевцев известно мало. Они обрабатывали кожу, шили ковры и одежду из меха, овчины, шерсти. Из кости и рога изготовляли наконечники стрел, украшения и декоративные гвоздики. Посуду выдалбливали из дерева, шили из бересты, но главным образом лепили. Один или два глиняных сосуда непременно ставили покойнику у головы или в ногах. Их посуду нельзя спутать с изделиями других племен не столько из-за орнамента, имитировавшего плетеные или вязаные изделия, сколько из-за оригинальности форм. Чаще всего она имеет яйцевидную с острым донышком или сферическую формы и различные размеры. Взрослым ставили посуду объемом 1—4 л, а для детей — поллитра и меньше. Совсем миниатюрные сосудики клали в могилки младенцев. Находили огромные сосуды-корчаги емкостью до 200 л, которые служили родовыми котлами, в них готовили пищу для общественных трапез. Корчаги клали в могилы лишь немногим, непременно пожилым людям. Из глины афанасьевцы лепили вазочки на поддоне, называемые «курильницами». На поверхности вазочки крепились одна-две ручки со сквозными отверстиями, в них продевали шнурок или ремешок. Носили «курильницу», видимо, подвешенной к поясу. Эти сосудики, окрашенные охрой, имели ритуальное значение и использовались при каких-то обрядах. «Курильницы» были атрибутами служителей культа, которые непосредственно выполняли эти обряды. Таких служителей было мало. На афанасьевских кладбищах обычно хоронили 15—20, реже 30—50 человек, не считая младенцев, но лишь одному-двум мужчинам ставилась «курильница».

Имущественной дифференциации среди жителей поселка, очевидно, еще не было. Во всяком случае жрецам, хранителям очага, особых курганов не сооружали. Они ничем не выделялись среди других людей,

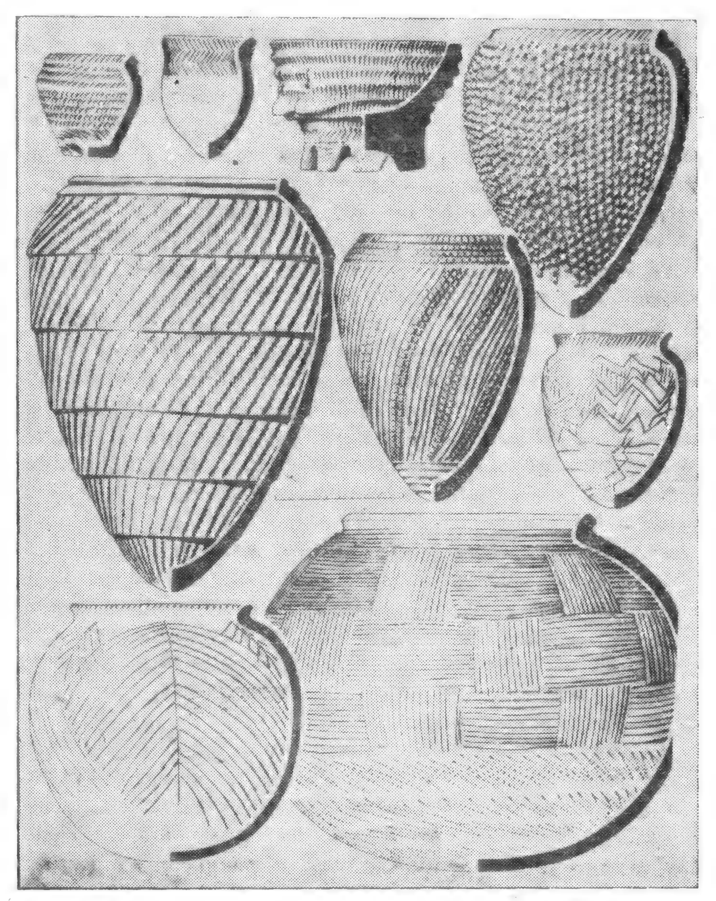

Рис. 6. Глиняные сосуды первых скотоводов Сибири (афанасьевцев).

кроме того, что в могилу клали ту вещь, которая была необходима им при жизни. Этими вещами, видимо, могли являться «курильница», корчага, посох с навершием из рога оленя. Недавно удалось установить, что вождей или старейшин не хоронили на территории родового кладбища.

...На правом берегу Енисея между горами Тураном и Тепсеем ныне образовался широкий залив. Склоны гор в том месте обращены к Енисею. Они погружены

в воду вместе с десятками курганов, которые частично раскапывались экспедициями в шестидесятые годы. На самом краю залива есть лишь один большой каменный курган, ежегодно скрывавшийся на несколько месяцев под водой. До образования моря он был закрыт дюной и казался высоким естественным холмом. Его опахивали, но полностью не распахали. Море смыло песок, оголило огромную плоскую груду камней. Краеведы сообщили о кургане в Минусинский музей. Так я оказалась в этом месте в июне 1975 г.

К сожалению, в тот год наша экспедиция успела сделать очень немного: мы окопали внешние края ограды и расчистили от наносного песка камни. Раскопки привлекли много любознательных помощников из села, в основном школьников. Именно благодаря им были вынесены сотни ведер и носилок песка, совочками расчищены все камни. Ребята переживали, успеем ли вскрыть камеру, досадовали на подступавшее море и нашу, не понятную им, медлительность. ...Час обеда. Сидим за столом на склоне горы: внизу виден курган и подкрадывавшаяся к нему кольцом вода. К кургану подходят два старшеклассника сельской школы. Увидев нас в бездействии, кричат с упреком: «Чего сидите, работать пойдемте?»

— Да дождь собирается.

Посмотрели на небо, согласились: «Пойдет, однако, да курган спасать надо!» Из-за этой трогательной убежденности мы не решались признаться, что вынуждены прекратить раскопки до следующего сезона. Последние дни переправлялись к раскопу на лодке и вплавь. К нашему отъезду курган выглядел лишь каменным островком, омываемым со всех сторон морскими волнами. К счастью, за зиму они не произвели больших разрушений, а вылизали камни, и к следующему сезону наш курган выглядел еще величественнее и красивее. В 1976 г. море заполнялось медленнее, и мы успели вовремя закончить раскопки, в целом оправдавшие надежды.

Курган, как уже говорилось, находился вдали от родового могильника и был много крупнее остальных. Вокруг возвышалась каменная ограда, первоначальная высота которой составляла не менее 2 м, а диаметр — 30 м. В ограде были выкопаны две ямы, закрытые

бревнами и толстым слоем камней. В центральной яме в южной половине на спинах с согнутыми в коленях ногами лежали скелеты мужчины и женщины 50—60 лет, а в северной половине стояла раздавленная корчага, валялись обломки других сосудов и кости съеденой во время тризны косули. Скорченное положение погребенных — характерная деталь похоронного обряда афанасьевцев. Очевидно, при прощальной церемонии они усаживали мертвеца на какие-то сиденья или прямо на землю на корточках, а позже окоченевший в позе сидящего человека труп клали на спину в могилу. В кургане были похоронены старики. Продолжительность жизни у афанасьевцев в среднем достигала 40—50 лет. Значительная часть могилы оказалась пустой, хотя трупы лежали тесно. Значит, ранее здесь находилось много вещей из несохранившихся материалов. Об одном из таких предметов можно получить представление. Вдоль туловища мужчины, как бы разделяя яму на две части, лежал узкий длинный предмет, видимо, деревянный жезл, орнаментированный по всей длине костяными гвоздиками. Их было 220. Они располагались группами по три — пять штук, составляя какой-то узор. Гвоздики остриями втыкались в жезл, снаружи торчали их плоские шлифованные и окрашенные охрой основания. По своим размерам афанасьевский жезл напоминает увиденный советскими этнографами в 1977 г. в деревни Бонгу на Берегу Маклая. Этот ритуальный жезл был сделан в виде плоской палки длиной около 1,5 м с резным навершием, окрашенным белой и красной краской. Его скрывали от взоров женщин и детей. Считалось, что с его помощью старейшина воздействовал на окружающих силой своего колдовства [1].

К старикам в афанасьевском кургане подхоронены два новорожденных, один из которых положен у них в головах, другой — в ногах. Был еще один мужчина 50—60 лет, похороненый одновременно со знатной парой. Ему выкопали отдельно ямку, но не параллельно с основной, как было принято у афанасьевцев, а перпендикулярно, поэтому он лежал как бы в ногах у старейшин и, вопреки обычаю, лицом не к восходу, а к заходу солнца. Ямку закрыли плитой и концами бревен, перекрывавших большую могилу. Внимание

грабителей эта вторая могилка не привлекла, а между тем мужчина был похоронен не только с пищей в глиняных сосудах, но и с серебряной серьгой в ухе.

Как уже говорилось, афанасьевцы любили себя украшать, но их украшения бедны. Все же в их могилах найдены три серебряные серьги и одно золотое кольцо. Можно предположить, что некогда золотые либо серебряные серьги украшали головы «старейшин», но, очевидно, были украдены вместе с другими украшениями. Дело в том, что к моменту раскопок все кости скелетов лежали непотревоженными, даже верхние позвонки, но черепов не было. По первому впечатлению казалось, что люди погребены обезглавленными. В таком случае отсутствовали бы и первые позвонки. ...В голове возникает картина ограбления. К тому времени, когда грабители проникли в ту часть ямы, где стояли вещи, массивные бревна над могилой еще не прогнулись под тяжестью лежавших над ними камней и земли. На черепах сохранились остатки тканей и отодрать в спешке серьги было трудно, поэтому их забрали вместе с головой. Все попавшееся под ногами подавили, расшвыряли, а череп косули выбросили из ямы. Грабители ушли, на курган забрела одичавшая собака, разыскала череп и обглодала сохранившиеся остатки ткани у основания рогов. Голова косули, мозг из которой был извлечен и съеден людьми еще при погребении, послужила вновь добычей для голодного животного.

Крестьянин Кожуховский рыл на своем огороде погреб и наткнулся на кости. Раньше он не обратил бы на них внимания. Но теперь в селе Батени работал С. А. Теплоухов, и все знали, что он «ищет скелеты». Кожуховский собрал все кости в таз и в тот же вечер принес их Сергею Александровичу. В тазу оказались череп и кости человека, а так же костяные орудия. Так случайно был найден скелет человека, жившего на Енисее еще раньше афанасьевцев,— в неолитическую эпоху. Позже археологи упорно искали следы этих людей. Нашли их временные поселения, но могил больше отыскать не удалось. Перед затоплением села Батени, когда разобрали и вывезли дома, наша экспедиция бульдозером сняла культурный слой на усадьбе Кожуховского и за ее пределами.

Но тщетно. Других неолитических могил в степях Енисея и Абакана до сих пор не обнаружено. Между тем неолитический человек, найденный в Батени, по своему физическому облику сильно отличается от последующих жителей тех мест. Значит, афанасьевцы не были коренными жителями. Тут-то и возникает много неясностей. Афанасьевские племена населяли не только степи Енисея, но и Горный Алтай. Они составляли как бы островок европеоидного населения, в то время как все их соседи были монголоидами. Только афанасьевцы умели ковать небольшие металлические изделия, разводили все виды домашнего скота. Они во всем отличались от своих соседей и предшественников и в то же время были похожи на живших далеко от них на западе скотоводов степей Дона, Волги, Приуралья. Те, как и афанасьевцы, для мертвых выкапывали обширные четырехугольные ямы, закрывали бревнами и земляными сооружениями. Трупы укладывали на спину, жгли погребальные костры. Они также лепили «курильницы» на поддоне, сосуды с яйцевидными и сферическими очертаниями. Одинаков набор украшений и немногочисленных каменных предметов: пестов, скребков, наконечников стрел. Изделия и обряды у афанасьевцев и западных скотоводов, так называемых «ямников», похожи. Идентичен и их физический облик. Когда антропологи это установили, возник вопрос об общей прародине афанасьевцев и ямников, расположенной где-нибудь в Средней Азии или в районе Аральского моря, откуда часть населения мигрировала в Причерноморские степи, а часть — в Сибирь. Позже было высказано предположение о прямой миграции афанасьевцев с территории западных скотоводов. Исходной территорией последних считается Волжско-Уральское междуречье. Отсюда скотоводы-ямники неоднократно продвигались далеко на запад вплоть до Балканского полуострова. Возможно, они продвигались по степям и на восток — до Алтая и Енисея. Здесь в Сибири какая-то часть из них, очевидно, осталась жить. Постепенно в новых условиях несколько видоизменились обычаи, традиции и хозяйственные навыки пришельцев. Но жили они замкнуто, изолированно, не смешивались с коренными сибиряками и поэтому сохранили чистоту европеоидного расового типа.

КАМЕННЫЕ ИДОЛЫ

В степи стоят камни. Давно стоят, века. Высокие и низкие, отшлифованные и бесформенные глыбы. Стоят вокруг курганов, рядами на древних поминальниках и одиноко в степи, вне жилья и могильных холмов. На многих бывают рисунки, выбитые, вырезанные, процарапанные. При косом освещении, в часы восхода и заката, на некоторых камнях видны контуры человеческого лица, глаза, нос и рот. Лица высечены глубокими желобками и окрашены охрой. На широких гранях плоские лица, на узких — рельефные. Они больше похожи на человеческую личину-маску, ибо пересечены поперечными полосами, имеют три глаза, а на голове — звероподобные рога, уши и «корону». Такие камни в литературе называют каменными скульптурами, изваяниями, стелами и бабами, так как точное определение подобрать для них трудно. Чаще изображено не одно лицо человека, а грудь и выпуклый живот. Реже — шея, плечи, руки. Ныне такие изваяния хранятся в музеях Ленинграда, Минусинска, Абакана, Красноярска, Новосибирского Академгородка и одно — в Москве. Высеченные замечательными древними сибирскими скульпторами, они долгие столетия были известны лишь путникам степей Среднего Енисея.

Впервые об этих удивительных камнях сообщил Д. Г. Мессершмидт. Ученые, путешествовавшие по долинам Енисея позже, описывали их, зарисовывали. Энтузиасты Минусинского музея Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов, И. П. Кузнецов-Красноярский, И. Т. Савенков специально разыскивали изваяния в степи и по возможности свозили их в музей, где был

построен специальный павильон. Советские ученые продолжили эту традицию. Особенно много изваяний вывез из степи в Абаканский музей археолог А. Н. Липский.

Можно представить, какое сильное впечатление эти фантастические раскрашенные лица-маски производили на своих современников. Ведь еще в XVIII—XIX вв. изваяния, уже значительно стершиеся от непогоды и времени, вызывали страх и почитание у местных жителей. Хакасы называли эти камни истуканами, идолами, старушками, девицами, чертями и так далее. Они не знали происхождения каменных скульптур, но, преклоняясь перед ними, совершали им жертвоприношения, клали у подножия пищу, мазали рты «баб» сметаной, салом, кровью животных. Енисейский губернатор А. Степанов в свое время писал: «Грубые старухи, девки, бабы (камни) не стоят на могилах, не составляют надгробных памятников, а составляют предметы чествования для татар идолопоклонников, как угодники или покровители в хорошем улове зверя и в сохранности и приплоде скота» [1].

Особенно почитались изваяния, напоминавшие женскую фигуру. Перед Абаканским музеем стоит гранитный брус высотой в 2 м, на верхнем остром конце которого грубо высечено лицо, посередине камня выпуклостями обозначены живот и груди. Камень называли «Аскизской бабушкой», так как он стоял на одном из курганов близ села Аскиз, или Улук-куртуяк-таш, что означает «большая старуха камень». Еще в начале XVIII в. Д. Г. Мессершмидт наблюдал оказываемое ей поклонение со стороны местных «татар»: «Каждый из них три раза ездил вокруг нее и по совершению церемонии клал у подножия под траву часть своего провианта, чтобы статуя могла питаться сообразно своему аппетиту» [2]. Совершаемый обряд не изменился к середине XIX в.: «Отправляясь на звериный промысел или проезжая мимо, инородцы подходят к каменной старухе с поклоном, обливают ее молоком или айраном, а выпуклое, грубо изваянное лицо истукана с большим отверстием-ртом обмазывают салом и сметаной с таким усердием, что рот ненасытной старухи почернел от жирного слоя разных веществ. Если промысел был не удачен, то некоторые в него-

Рис. 7. Изваяние «Аскизская бабушка».

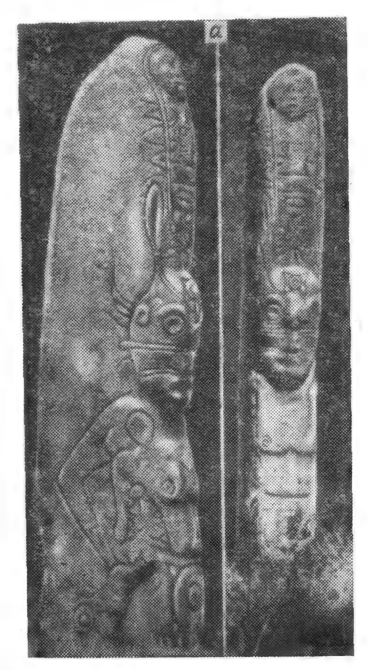
довании от обманутых надежд наказывают истукана плетью или палкой»[3]. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют, что традиция смазывать лицо изваяния жиром и сметаной существовала и в начале XX в. А когда в 60-х гг. «Аскизскую бабушку» вывезли из степи и поставили во дворе старого здания Абаканского музея, ее продолжали посещать и кормить старухи-хакаски.

Об этом камне из поколения в поколение передавались легенды. Вот одна из них: «Когда-то каменная старуха вместе с мужем, таким же каменным изваянием, жила по ту сторону Саянского хребта. Но вдруг старики поссорились, и старуха, взяв сына и дочь, отправилась с ними к Абакану, а старик остался на месте. Старуха с детьми шла по горам и за ними оставалась каменная дорожка — следы их шагов». Согласно другому преданию, Куртуяк была некогда знатной женщиной, обращенной в холодный гранит. Сохранились свидетельства о поклонении и другим каменным «бабам», причем примитивным, грубым. Объяснение этому простое. Хакасы, не различая у скульптур высеченных звериных головных уборов, украшенных змеевидными лентами, и столь же сложных нагрудников, солнечных знаков, поклонялись лишь любому камню и утесу, которые напоминали профиль или фигуру человека. Д. А. Клеменц стал очевидцем такого поклонения во время своего первого путешествия по долине Абакана. Приближаясь вечером к утесу Иней-Тас, издали похожем на профиль человека, он стал свидетелем удивительной картины: «При последних лучах солнца, когда тени быстро

ползут, удлиняясь и извиваясь, а краски ежеминутно меняются, розовое переходит в фиолетовое и синее, тени во впадинах утесов сгущаются, чернеют, растут,— кажется, будто на всем лежит какой-то отпечаток таинственной полусознательной жизни...»[1] Когда утес показался на горизонте, проводник остановил коня, слез с него, порывшись в седельных сумках, вытащил фляжку с молочным вином, достал из-за пазухи деревянную чашечку, наполнил ее, сорвал веточку богородской травы и принялся усердно кропить вином на все четыре стороны. Несколько капель он бросил вверх, остатки вина выпил, вновь налил чашечку и подал ее Д. А. Клеменцу. Удивленному ученому проводник рассказал: «Каждый год после Петрова дня мы ездим сюда. Праздник бывает большой. Трое или четверо шаманов собираются. Сперва вино пьем и Иней-Тас поим, потом шаманщики шаманят, баранов режут, коров, коней. По кусочку от каждой скотины бросаем в огонь — это для Иней-Тас, а что остается сами едим». Нельзя было, оказывается отнестись к Иней-Тас без почитания, она мстила за это. В назидание провожатый поведал историю о том, как один молодой «татарин» насмеялся над Аскизской каменной «бабушкой», а та за «предерзость закружила его в тайге так, что несчастный сбился с дороги, поел все запасы и погиб бы с голоду, если бы его не выручил случайно наткнувшийся на него золотоискатель».

Суеверие, страх не могли объяснить происхождение этих каменных идолов, хотя каждое поколение по-своему пыталось разгадать, кто, когда и зачем их поставил.

Сначала ученые, в том числе Д. А. Клеменц и И. П. Кузнецов-Красноярский, считали, что каменные изваяния оставлены монголами как надгробия. Финский ученый И. Р. Аспелин и академик В. В. Радлов на основе наблюдения о том, что камни стоят на курганах бронзового века, сделали предположение об их глубокой древности. Однако известны изваяния, которые часто стоят отдельно от курганов, под ними нет могил. Интересно также, что поверх человеческого изображения на камнях иногда высечены древнехакасские, т. е. относящиеся к средневековью, надписи.

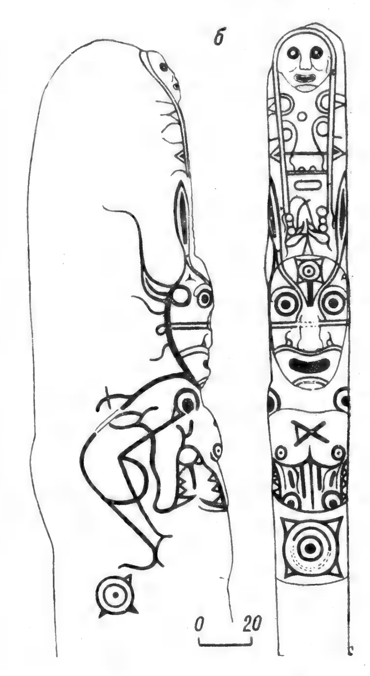

Рис. 8. «Ширинская баба», привезена в Абаканский музей А. Н. Липским:
а — фотографии с разных сторон; *б* — прорисовки.

В конце 20-х гг. нашего столетия, благодаря работам археолога С. А. Теплоухова, сложилось четкое представление о том, какие сибирские народы оставили те или иные курганы. И тут выяснилось неожиданное: оказалось, что изваяния стоят на курганах разного времени. Так может быть они к самим курганам вообще не имеют отношения? Проверить это взялись молодые ученики С. А. Теплоухова — М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Исколесив степи в поисках камней, зарисовывая и отмечая, где и как они стоят, исследователи установили следующее. Самые древние курганы с идолами относятся к VII в. до н. э., но каменные изваяния, находящиеся там, использованы как подходящие столбы для оград. Те, кто сооружал курганы, не обращал никакого внимания на имевшиеся на камнях изображения, иногда идола ставили даже вверх

ногами. Значит, изваяния были созданы еще раньше, возможно, племенами, жившими на Енисее с XIII по VIII в. до н. э., так называемых «карасукцев». Создание такой гипотезы явилось большим успехом. Происхождение енисейских идолов начало проясняться. Но впереди ученых ожидало еще много неожиданностей.

В 1961 г. один из отрядов Ленинградской экспедиции, работавших в зоне Красноярского водохранилища, производил раскопки на левом берегу Енисея, недалеко от совхоза Сарагаш. Стояла засуха. Степь рано пожелтела и в редкой поникшей траве можно было различить ровные четырехугольные оградки из вкопанных на ребро плит песчаника. В оградках находилось несколько каменных закрытых ящиков-гробов. На плитах, из которых были сделаны стенки и крышки ящиков, сохранились разнообразные высеченные, выгравированные и процарапанные рисунки. Среди них оказались человеческие трехглазые лики, такие же, что у «степных» идолов. Так впервые каменные изваяния были найдены в могилах. А спустя несколько лет захоронения с подобными находками обнаружили на правом берегу Енисея у деревень Сыда и Биря, а также на юге Хакасии.

Кто же были эти люди, жившие, как теперь установлено, в начале II тысячелетия до н. э., т. е. 4 тысячи лет тому назад? Ученые называют их окуневцами, поскольку несколько первых могил этих людей С. А. Теплоухов раскопал близ улуса Окунева (Хакасия). Окуневцы пришли на Енисей позже афанасьевцев и вытеснили последних с этих мест. По физическому облику пришельцы отличались от афанасьевцев, они были высокими, с европеоидными чертами лица. Но окуневцы не чистые европеоиды, в них чувствуется значительное монголоидное влияние. Откуда пришли эти племена на юг Сибири пока не установлено, видимо, из таежных мест. Окуневцы были коренными сибиряками, для которых рыболовство и охота оставались основными занятиями, наряду с этим они разводили скот. Умершим в могилы клали костяные остроги, иглы для вязания сетей, рыболовные крючки. Зубами хищников и когтями медведей они украшали одежду.

Внимание ученых привлек необычный вид одной ограды. В середине ее располагалась могила, от углов которой расходились четыре каменные стенки в виде лучей. В могиле была похоронена женщина. Ей поставили лишь два сосуда с пищей, но положили в богато украшенной одежде. Нагрудник расшит бисером, к нему пришиты две фигурки медведя, зубы животных. У локтя лежала кожаная или меховая сумочка, на которую были нашиты 40 подвесок из клыков марала. На шее на ремешке висели мраморные шарики, а на каждую туфельку пришиты по 130 зубов соболя, лежавшие плотными рядами на ступнях ног. Самое любопытное выяснилось позже: все 260 зубов — третий коренной зуб верхней челюсти. Значит, только одному определенному зубу соболя придавалось значение оберега. Погребенная, очевидно, обладала властью колдуньи, шаманки, а многочисленные амулеты, пришитые к одежде, были ей более необходимы, чем иные вещи. Спустя несколько лет археологи нашли еще одно подобное захоронение: вместе с покойницей лежали туфельки, украшенные зубами 91 соболя.

Окуневские захоронения мужчин и женщин отличаются друг от друга. Обычно мужчинам и мальчикам вещей в могилы не клали. Красиво орнаментированные горшки баночной формы, игольники и бронзовые ножи находят только в могилах женщин и девочек. Иное дело, когда хоронили служителей культа, шаманов. В их могилах встречено много ритуальных предметов: каменные луновидные подвески, мраморные шары, костяной сосуд-ритон, украшенный скульптурными изображениями, костяной жезл, заканчивающийся скульптурной головкой хищника, пожиравшего голову какого-то животного, и многое другое. К поясу шамана подвешивали маски из черепов журавлей. Иногда шаманам ставили ритуальный сосуд — «курильницу».

Окуневцы сооружали могилы простые. Стенки неглубокой грунтовой ямы обкладывали плитами. В ящике с трудом помещались один-два трупа, уложенные на спину и с согнутыми в коленях ногами. Иногда для мертвых специальных могил не делали, а снимали крышку с ящика-гроба и поверх уже имевшихся трупов или скелетов клали новый. Если же он не помещался, то кости ранее захороненных сгребали

в угол, освобождая место для следующего. Не все обычаи этих людей понятны. Окуневцы носили высокие головные уборы и, чтобы их не помять, мертвым клали под голову каменные подушки или подставки. Встречаются могилы, в которых подставка не потревожена, но череп отсутствует. Вероятно, человек похоронен был без головы. Известны и примеры, когда мертвому, кроме вещей, клали несколько человеческих черепов. Эти черепа, возможно, были личными амулетами покойника.

Окуневцы оставили после себя оригинальные предметы искусства. Это не только монолитные каменные изваяния, но и миниатюры, изображавшие животных и людей. В нескольких могилах девочек лежали куколки-божки. Они встречаются двух видов: миниатюрные каменные пестики, на одном из концов которых вырезана скульптурная женская головка, и костяные пластинки также с выгравированной в верхней части головой. На изображениях отчетливо видны черты лица, прически, серьги. Прически показаны самые разнообразные: у одних прямые волосы спадают до шеи, спереди подстрижена челка; у других они распущены ниже плеч по обе стороны прямого пробора; у третьих часть волос собрана узлом, а остальные спущены ниже затылка. Каждая головка щедро украшена круглыми серьгами. В ушах могло быть до семи серег.

Все фигурки вверху залощены, но нижние их части не имеют затертости. Они были частями каких-то мягких меховых или тряпичных кукол, одетых в украшенные бисером платьица. У некоторых фигурок внизу имеются сквозные дырочки, через которые они пришивались к одежде. Куколки-божки были широко распространены у разных сибирских народов. Они найдены в Прибайкалье и на Афонтовой горе у Красноярска. Куколки из лошадиных бабок, относящиеся к бронзовому веку, обнаружены на Оби. Аналогичные изображения, датированные I тысячелетием н. э., археологи раскопали в могилах на Амуре. Как правило, на фигурки одевали одежду, украшали бусами и бисером. Они имели значение игрушек, домашних божков, женских умерших предков. Очень часто эти функции совмещались. У народов Алтая куколки

служили игрушками, вместе с тем они считались вместилищами духов. Эти «бабушки» алтайцев почитались как хранительницы очага, всякого благополучия, были женскими покровительницами, которых жена приносила в род мужа. Куколки эскимосов, алеутов, чукчей, коряков, узбеков, таджиков и некоторых индейских племен Северной Америки считались не просто только игрушками. Согласно поверью, кукла служила временным вместилищем души умершего родственника, которая затем переселялась в новорожденного ребенка. В таких фигурках видели носителей и покровителей женского плодородия, они переходили от матери к дочери. Окуневские куколки-божки свидетельствуют об устойчивости этих представлений и их глубокой древности.

Не удивительно, что окуневцы, обладавшие незаурядной художественной фантазией и умевшие изготовлять каменные миниатюры, оказались создателями знаменитых монументальных каменных скульптур. Их высота иногда достигает 3—4 м. Некоторые изваяния реалистично запечатлели женские лица, обрамленные волосами, уши украшены серьгами. Другие скульптуры под глазами пересечены одной полосой, волосы изображены радиально расходящимися солнцеобразными линиями. Многочисленные изваяния передают сложный фантастический образ человека: встречаются трехглазые изваяния с полосами, пересекающими лоб, нос и подбородок, иногда от головы расходятся вверх рога или уши, длинная змеевидная лента или нечто вроде короны. Тайну этих причудливых ликов удалось выяснить с помощью тщательного анализа всех изображений, а также могил самих окуневцев.

Обычно в экспедициях кости древних людей моют и упаковывают чистыми. То же самое проделывали и с окуневскими скелетами, пока на нескольких черепах не заметили следы красной охры. Это были остатки краски, осевшей на костях при разложении лицевых тканей. Сохранились пятно на лбу, полоса под носом и на подбородке. Значит, лицевые полосы и «третий глаз» идолов означают раскраску лица или маски.

Обычай раскрашивать все тело или одно лицо был широко распространен у первобытных народов. На лице рисовали точки, кружки, спирали, кресты. Черными

и белыми полосами расписывали себя женщины на Андаманских островах. Индейские атапаскские племена красной охрой и свинцом проводили три горизонтальные полосы на лбу, под носом и вертикальные на подбородке. По наблюдениям Н. Н. Миклухо-Маклая, аборигены острова Маклая тремя белыми полосами раскрашивали лицо невесте. У жителей острова Пасхи был распространен обычай украшать себя красными и белыми горизонтальными полосами на лбу, на носу, на подбородке. Принцип раскраски лица окуневских идолов находит параллели у многих народов разных частей земного шара. Раскраска тела или лица всегда была подчинена конкретной цели: для украшения при исполнении ритуальных танцев, для устрашения во время военных походов, для того, чтобы замаскироваться и не быть узнанным душой покойника во время траура; при выполнении свадебных обрядов; для того, чтобы стать невидимым для врагов или, наоборот, быть узнанным своим тотемным родичем, и так далее. Вероятно, раскраска могла являться отличительным признаком рода или возрастных групп. Причины бытования того или иного способов раскраски этнографам объяснить пока не удается. Различие числа полос на лице окуневских изваяний остается также пока не выясненным.

Значок на лбу идолов — элемент росписи. Он часто изображался обособленно от двух глаз. Уже говорилось, что пятна охры сохранились на лобной части черепа. Первобытные люди наносили себе на лоб значок с магическими целями. Однако на двух окуневских изваяниях он изображен в виде солнца — кружка с четырьмя треугольными лучами. Подобные значки имеются на одежде окуневских идолов. Очевидно, в это изображение окуневцы вкладывали смысл дополнительной сверхестественной зоркости, которой наделялись, в частности, колдуны или шаманы. Удэгейские шаманы, например, имели головной убор с нашитым «шаманским глазом», вырезанным из материи или кожи. Эти «глаза» делали для того, чтобы шаман мог видеть вокруг себя все не доступное зрению простых людей.

Для изображения трехглазого лица окуневцы использовали среднюю или нижнюю часть камня,

а от лба высекали очень длинную змеевидную ленту, занимавшую большую часть камня и идущую до самого его верха. По обеим сторонам нижней части ленты высекались рога и звероподобные уши, поэтому идолов часто называли «трехглазыми и рогатыми». На плитах и писаницах окуневцы тонкими штрихами либо охристыми полосами рисовали фигуры скота, хищных зверей, людей. Иногда людей показывали в звериных масках, но чаще в длинных-предлинных конических шапках. У самых оригинальных и редких изваяний поверх шапки изображена голова барана либо человека, на груди — распластанная голова хищника с оскаленной пастью, это деталь нагрудника. Чаще на таких нагрудниках окуневских идолов высекались знаки солнца. Все скульптуры передают образ женщины: показаны груди, выступающий живот, часто в ушах видны сережки. Высокие украшенные шапки и нагрудники указывают на то, что окуневцы изображали женщин в специальных ритуальных костюмах. Что же касается «корон» на некоторых идолах, то они означают те же шапки с очень стилизованными элементами рогов, ушей и змеевидной ленты.

Удалось расшифровать образы, изображенные на камнях. Но зачем окуневцы делали идолов и кому поклонялись — остается загадкой. Сейчас установлено, что изваяния ставили не на могилах, а на древних священных местах, примитивных капищах. Им поклонялись и приносили жертвы. Перед каменными фигурами обнаружены ямы с остатками жертв — кости и черепа баранов. Но кто стал идолом, чья душа заключена в камне? Вряд ли сейчас это можно объяснить. Учеными высказано много самых различных предположений: по мнению одних, это родовые божества в образе мифической женщины прародительницы, полузверя и получеловека; по утверждению других — солнечные божества, первобытные праматери-хранительницы человеческих душ, божества плодородия природы, души женщин, умерших от болезней; согласно гипотезе третьих — герои космогонических и тотемистических мифов. Чтобы понять хотя бы отчасти, какие идеи отражают эти скульптуры, обратимся к этнографии.

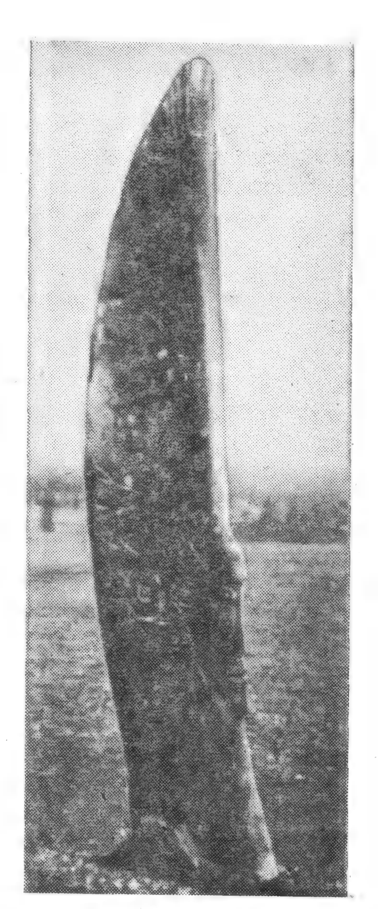

Рис. 10. Изваяние. Привезено из степи С. А. Теплоуховым. Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград).

Рис. 9. Изваяние из Уйбатского чаа-таса, привезено в Эрмитаж М. М. Герасимовым.

Жители островов Новые Гебриды сооружают деревянные скульптуры предков рядом с домиками, где хранятся черепа. Человеческие лица изображаются символически, в древнем традиционном стиле. Столбы для будущих изваяний изготовляют во время специальных поминальных праздников, их считают вместилищами духа конкретного умершего. Аналоги можно найти и в более раннее время. На одной из гравюр XVI в. изображен праздник урожая в поселке индейцев Северной Америки. Картина запечатлела двух лучников, состязающихся в стрельбе в ритуальных животных. На земле разостлана циновка, на которую ставят блюдо с кушаньями. В двух концах поселка горят костры, один из них окружен шестью небольшими деревянными столбами с вырезанным вверху человеческим лицом. Вокруг них с растениями в руках пляшут индейцы. Деревянные скульптуры означают покровительницу земледелия.

Не меньший интерес представляют сибирские этнографические параллели. Представим себе небольшой островок на озере в Васюганской тундре... На поляне ветхий амбар на четырех столбах. Дверь и окно плотно затворены ставнями. Если пролезть под амбар и поднять одну половицу, то можно увидеть такую картину: у стены на скамейке посажены три деревянные куклы, покровительница семейного счастья и удачи в промысле и ее прислужницы. Куклы сделаны грубо топором, вместо глаз, носа и рта отмечены лишь углубления. Фигурки одеты в меховые шапочки и белые, но от времени ставшие серыми, холщовые платья. Они расшиты бисером и медными бляхами. Перед истуканами стоит маленький столик с серебряной тарелкой, на которую кладут подарки приезжие. Приношений много, они в беспорядке лежат на полу. Недалеко от берега озера стоит пихта в два обхвата толщиной. На ней вырублено лицо человека. Вокруг корней набросано множество деревянных колотушек. Их приносят в дар духу. Каждый приезжавший на рыбный промысел был обязан ее сделать и положить под дерево, иначе он рисковал остаться без добычи...

Это описание относится к концу прошлого века. В то время и даже позже у сибирских народов широко бытовала деревянная скульптура. Чаще изображалось

одно человеческое лицо. Длинные жерди с грубо вытесанной вверху головой человека, иногда в высоком головном уборе, десятками и сотнями стояли на мольбищах ненцев, хантов, кетов. Они олицетворяли могучих духов, которых считали хозяевами природы — покровителями промысла. Человеческие лица вырезали и на стволах деревьев. Ненцы почитали их как исцелителей от болезней, кеты считали охранителями священных мест, северозабайкальские эвенки видели в них изображения умерших шаманов.

Таким образом, у сибирских и других народов Земли внешне похожие изображения имели разное значение, и они не помогают понять смысл окуневских скульптур. Пытаемся объяснить их назначение, исходя из деталей самого изображения. Следует обратить внимание на то, что часть таких скульптур сочетает в себе следующие признаки: женский пол, зооморфные элементы в виде рогов, звериных голов и ушей, атрибуты какого-то обрядового костюма в виде высокой шапки, нагрудника и маски. К этим приметам нужно добавить также змеевидные ленты, украшавшие шапку, солярные знаки, посох или жезл в руках «божества». Ясно, что звериные элементы составляют не часть тела изображенного божества, а украшение костюма. Поэтому вряд ли окуневские скульптуры — это мифические женщины — предки, представляющие собой полузверя-получеловека. В то же время их костюм, нагрудник, головной убор, маска, посох внешне сходны с обычными атрибутами, с которыми ассоциируется образ шамана. Головные уборы сибирских шаманов часто украшали рогами, а иногда фигурками змей. На костюмы пришивали изображения солнца, луны, змеи, хищника. Во время исполнения обряда шаманы держали в руках не только бубен и колотушку, а нож, меч, копье, змеевидный посох. Некоторые шаманы носили маски как звериные, так и человеческие. У сибирских народов шаманов нередко считали покровителями и предками. Юкагиры вырезали фигурку шамана из дерева, приставляли к скульптуре подлинный череп шамана, одевали в богатые одежды. Изображение шамана сажали в переднем углу жилища, почитали как бога и приносили ему жертвы. У эвенков фигурки шаманов-предков из металла и дерева

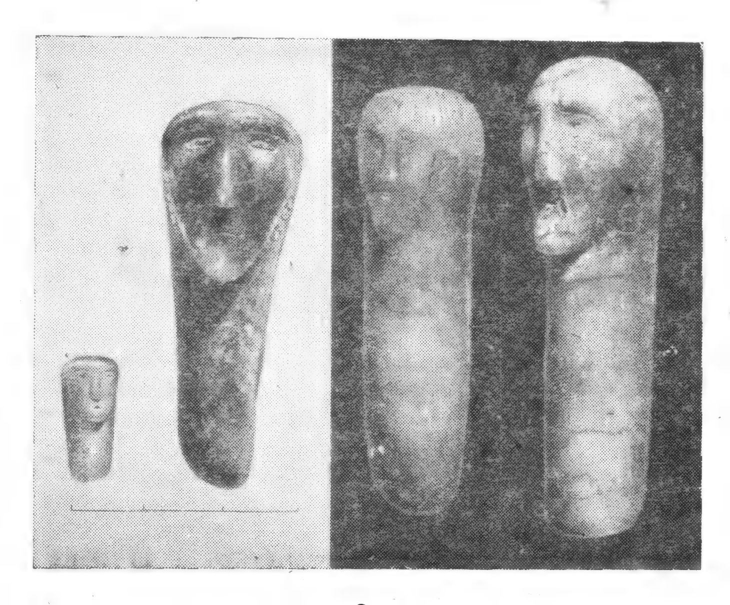

Рис. 11. Миниатюрные каменные фигурки из раскопок Красноярской археологической экспедиции у дер. Черная. Эрмитаж.

хранились среди прочих святынь рода. Они считались защитниками и покровителями сородичей. Изображения умерших шаманов у ненцев, хантов, бурят, алтайцев считались родовыми божками. Поклонение шаманам не вызывает удивления, ибо они были колдунами, лекарями, гадателями. Весь мир, непонятный обыкновенному человеку, оказывался открытым шаману-колдуну. После смерти шаманы становились легендарными родоначальниками, божествами, покровителями потомков, более реальные, чем какие-то далекие незримые духи. У сибирских народов шаманами были мужчины и женщины. По мнению многих этнографов, на ранней стадии шаманизма преобладающую роль играла женщина-шаманка. Вполне возможно, что и окуневцы высекали в камне скульптуры умерших шаманок, каких-то колдуний, считавшихся родовыми покровительницами.

Конечно, сказанное выше — это лишь одно из возможных объяснений самой многочисленной группы

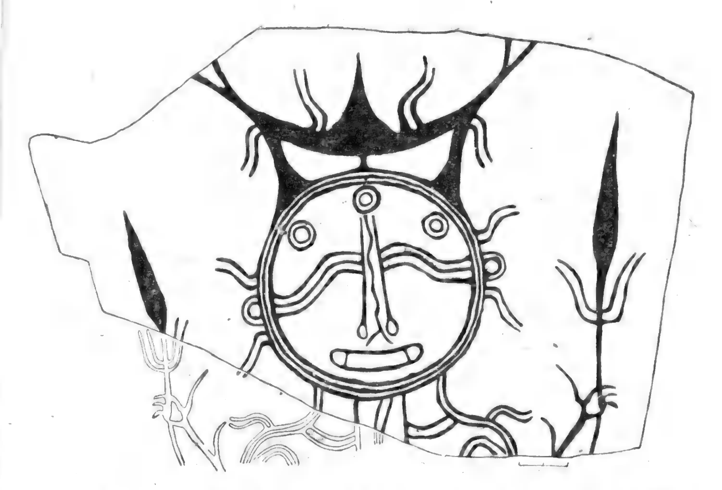

Рис. 12. «Божество с копьями» из могильника у дер. Черная. Раскопки Красноярской археологической экспедиции. Эрмитаж.

окуневских монументальных скульптур. Единичные лики, где изображены волосы в виде солнечного лучистого диска, принято называть солнечными божествами. Возможно, разные воплощенные в камне образы имели неодинаковое смысловое содержание.

Еще менее ясен образ хищника, высеченный не только на груди или животе статуй, но и на отдельных плитах и скалах. Фигуры всех зверей сходны. У них раскрыты пасти с торчащими непропорционально большими клыками, широкое туловище, резко сужающееся к крупу, длинные, очень тонкие ноги, со «шпорами» и когтями. Это фантастический образ какого-то хищного злого божества.

Как же каменные божества попали в могилы? Может быть их туда специально положили? Кажется, это исключено. Ведь все некогда священные плиты в могилах найдены разбитыми, а фрагменты их использованы лишь для сооружения нескольких ящиков-гробов. Окуневцы использовали обломки плит просто как строительный материал. Это обстоятельство кажется странным, но оно не противоречило мировоззрению тех, кто украшал изображениями плиты. В недалеком

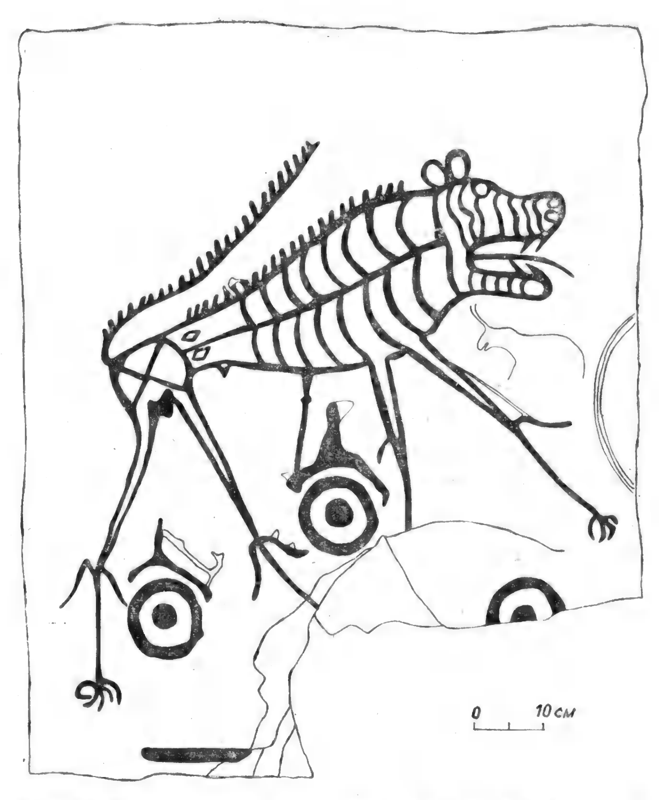

Рис. 13. Фантастические хищники на плите из могильника у дер. Черная. Раскопки Красноярской археологической экспедиции. Эрмитаж.

прошлом сибирские народы уничтожали своих идолов по разным причинам. Остяки на Оби разрубали их на мелкие кусочки в случае неудачной охоты. Ненцы колотили, оплевывали и разбрасывали, если те не оправдывали ожиданий. Алтайцы избавлялись от своих куколок-божков, когда последние приходили в негодность или их скапливалось слишком много. Буряты сжигали идола, принадлежавшего отдельному человеку, после смерти его хозяина. Остяки на реке Салым заменяли идолов через каждые 7 лет, но старые фигурки не выбрасывали, а захоранивали под деревом. Идол считался священным, пока был

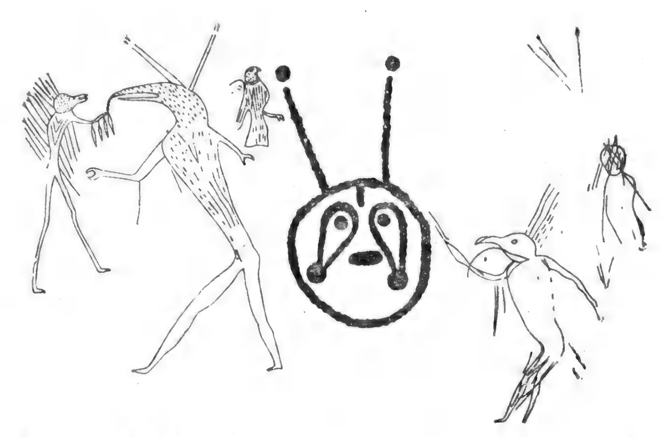

Рис. 14. Изображения птицеголовых людей на плите из могильника близ улуса Чаптыково. Раскопки А. Н. Липского.

«живым», т. е. когда в нем находилась душа какого-то существа. Чтобы удалить из него эту загадочную душу, требовалось немного: идола предавали огню, разбивали, стирали отдельные детали изображения. Но если дух отсутствует — идол мертв и представляет в глазах человека просто кусок дерева, камень, игрушку. Например, ненцы по окончании обрядов обращали свои «кумиры» в обыкновенные вещи и нередко употребляли вместо палки.

Все окуневские «божества», найденные в могилах, были вырезаны на тонких плитах. Изображения не успели выветриться. Это позволяет предположить, что они недолго стояли на открытом воздухе и служили предметами культа. Вскоре камни разрушились или были разбиты специально, после чего как простой строительный материал использовались для разных нужд.

Тысячелетия отделяют нас от времени создания древних скульптур. Хорошо сохранившихся осталось мало. Какова же их судьба теперь?

Говоря об этом, следует вспомнить, что хрупкие личины создавались на короткое время, монументальные рельефные скульптуры — на века. Но история распорядилась иначе.

Более простые миниатюрные личины сохранились лучше. Многие из них попали в Эрмитаж. Вместе с куколками-божками «захороненные» идолы с успехом демонстрировались на выставках у нас в стране и за рубежом — в Италии, ФРГ, Швейцарии, Франции, Голландии. И везде они прославляли мастерство древних сибирских скульпторов.

Монументальные каменные скульптуры постигла разная судьба. Одни из них оказались в Эрмитаже. В специальных помещениях запасников им гарантирована длительная сохранность. Но видят их немногие. Другие же не были вывезены из родных краев. В местных музеях они выставлены, как правило, во дворе. Тысячи людей осматривают их здесь. Но камни продолжают разрушаться. А ведь уникальные каменные идолы Енисея — историческое богатство, и задача состоит в том, чтобы сохранить их для потомков.

КУРГАНЫ ЗНАТИ

Степь рябит многоцветьем. Желтоватые силуэты сопок сливаются с темно-коричневыми пашнями, зелеными посевами и черными полосами дорог. Словно роскошная голубая лента, извивается Енисей. Как бы дополняя этот ландшафт, то там, то здесь застыли волнами курганы, огороженные каменными глыбами. Изредка они возвышаются одинокими насыпями, чаще располагаются скученно, образуя обширные древние кладбища. При лунном свете очертания холмов и каменных стел выглядят таинственно. В человеческой фантазии они мыслятся грозными стражами, хранителями могил. На самом же деле камни — деталь архитектуры, части того сооружения, которое возводили над могилами. Над каждой из них делали каменный холм, который облицовывали дерном, а вокруг одного или нескольких холмов сооружали ограду. По углам и через равные промежутки вдоль стен ставили высокие столбообразные камни. Встречаются ограды четырех-, шести-, восьмикаменные и т. д. Число камней увеличивалось с веками, по мере возраставшей сложности архитектуры кургана. Ныне насыпи, образовавшиеся из расплывшихся дерновых надмогильных холмиков, не всегда хорошо различимы, но повсюду в степи видны камни — столбы, расположенные группами по нескольку десятков и сотен в одном месте.

Самые многочисленные курганы Енисея оставлены людьми, жившими здесь в скифское время (VII—III вв. до н. э.). Курганы приметны и впечатляют своей величественностью. Неудивительно поэтому, что узнать их тайны стремились многие. Эти курганы раскапывали Д. Г. Мессершмидт, И. Р. Гмелин и многие другие

ученые-путешественники. В конце XIX в. лишь на одном Тагарском острове, находящемся около Минусинска и теперь ставшим частью города, археологами-любителями А. В. Адриановым, Д. А. Клеменцем, И. П. Кузнецовым-Красноярским было исследовано более 30 могил этого времени. По названию острова археологи стали называть обитателей енисейских степей скифского времени «тагарцами».

Тагарцы жили большими поселками, зимой в полуземлянках, летом в наземных бревенчатых домах под пирамидальной крышей, крытой древесной корой. Рядом с поселком выкапывали арыки и небольшие оросительные каналы. В Европе уже широко бытовало оружие из железа, а тагарцы еще продолжали изготовлять все металлические изделия из бронзы. У пояса погребенных в мешочках находят бронзовые нож, шило и зеркало. Изредка, кроме того, попадается роговой гребешок. К поясам воинов подвешивались кинжал, боевой топорик, лук со стрелами. В руки вкладывали оригинальное боевое оружие: чекан на длинной палке, низ которой вдет в бронзовый остроконечник-вток. Это рубящее и колющее оружие было самым смертоносным по тем временам. Тагарцы носили короткие кафтаны, а на голове — островерхие шапки и капюшоны. К шапкам ремешками прикреплялось несколько бронзовых круглых бляшек. Высокую обувь стягивали бронзовыми браслетами. Некоторые «модницы» украшали шеи бронзовыми обручами-гривнами. С V в. до н. э. появилось особое украшение на шапке, одежде, оружии — бронзовые изображения оленей. Тагарцы были замечательными литейщиками-ювелирами и многие свои изделия украшали высокохудожественными литыми скульптурами животных. Эти фигурки кабанов, лошадей, оленей, горных баранов, видимо, имели не только декоративное, но и магическое значения. Они выполняли роль тотемов, родовых предков.

Обряд погребения тагарцев достаточно сложен. На протяжении двухсот лет у них существовал обычай делать могилу для каждого покойника отдельно. Но позже они стали сооружать одну общую погребальную камеру для нескольких покойников. Эти квадратные ямы площадью от 10 до 50 м², закрытые несколькими накатами из бревен и холмом из камня и дерна, внут-

ри содержат высокий бревенчатый сруб с деревянным полом и потолком. В срубах обычно хоронили до 10 человек и более. Сейчас пока трудно точно сказать — сразу их всех клали в могилу или подхоранивали в течение длительного времени одного за другим.

Тагарские племена, как и народы, тогда же жившие на Алтае и в Казахстане, имели много общего со скифами степного юга европейской части нашей страны. Похожи их бронзовые наконечники стрел, формы кинжалов, оленные бляшки, навершия с фигурками животных. Все изображения животных выполнены в одинаковой манере, поэтому археологи, говоря об искусстве скифского времени, употребляют даже общий термин «скифо-сибирский звериный стиль». В связи с этим давно ведется спор, кто больше оказал влияния друг на друга: скифы Причерноморья на сибирские племена или наоборот. Дело в том, что в настоящее время курганы скифского времени значительно лучше исследованы, да и известно их больше на территории Сибири и Монголии, чем на территории европейских степей. Тем не менее до сих пор сохраняется представление о Сибири как о далекой окраине, куда культура скифов доходила в измененном виде. Существование такой точки зрения в определенной степени объясняется тем, что хорошо известны лишь «царские» курганы Причерноморья. Между тем подобные же величественные погребальные сооружения характерны и для Азии.

Всеобщее удивление вызвал каменный курган в Туве, у поселка Аржан. И как было не удивляться, если высота кургана достигала 7 м, а диаметр 110 м. В связи с предстоящими строительными работами на этом месте он в 1971—1974 гг. был раскопан экспедицией под научным руководством М. П. Грязнова. Интерес вызвала не огромная насыпь, а сама оригинальная конструкция кургана. Под трех-четырехметровым слоем бутовых камней весом по 20—50 кг и более археологи обнаружили не погребальную яму, а 100 деревянных камер и 70 срубов. Они были сооружены прямо на поверхности земли и тесно примыкали одна к другой, образуя круг. Высота срубов составляла 2,5—3 м, сверху срубы закрывались бревнами. В 16 камерах найдены захоронения, остальные оказались

пустыми. В центральной камере похоронили «царя с царицей» или наложницей, восемь «вельмож» и шесть коней. В девяти камерах были захоронены одни кони, а еще в шести — «вельможи», либо «вельможи» и кони. В виде подношения «царю» положили не менее 160 верховых коней разной масти в богатом убранстве: с бронзовыми удилами, золотыми налобными бляшками, цветными камнями, подвесками из клыков кабана. Хвосты коней опоясаны золотыми полосками. Особенно богато убраны те кони, которых положили в «царскую» гробницу. Все 15 мужчин, похороненных одновременно с «царем», судя по их богатым одеждам и оружию, являлись «вельможами», составлявшими его свиту. Ни в одном из «царских» курганов скифов неизвестно такого большого числа людей, сопровождавших «царя» в страну мертвых. К сожалению, курган Аржан был ограблен еще в древности, но найденные в срубах остатки одежд из дорогих привозных тканей, украшения из серебра, золота и драгоценных камней, не оставляют сомнения, что некогда в нем хранились большие сокровища, достойные владыки обширных территорий. Видимо, здесь похоронили вождя крупного союза племен. По набору найденного оружия, конской сбруи, бронзовой бляхе с изображением пантеры, навершиям с фигурками козлов Аржан принадлежит к памятникам скифского мира. Руководитель раскопок М. П. Грязнов относит время сооружения кургана к VIII—VII вв. до н. э., т. е. к самому началу скифской культуры. Интересно, что все известные скифские «царские» курганы датируются более поздним временем. Таким образом, нельзя считать, что скифы оказывали влияние на сибирские племена, а последние не влияли на скифов.

Курганы вождей в те же «скифские времена» известны на Алтае и в Казахстане. Гораздо меньше их раскопано на Енисее, но имеющийся материал позволяет утверждать, что и в тагарском обществе наблюдался процесс выделения родовой и племенной знати. В Абаканской степи еще А. В. Адрианов раскопал монументальный курган VI в. до н. э., так называемый Кара-Кургэн («Черный курган»). Объясняя это название, археолог писал, что на сухих серых степях такие большие курганы издали представляются темны-

ми пятнами и являются единственными точками, на которых останавливается глаз. К моменту раскопок высота кургана достигала 4 м, а 14 огромных столбовых камней ограды возвышались над поверхностью земли до 3 м. В ограде находилось две ямы площадью около 20 м² каждая. В них стояли бревенчатые срубы, закрытые несколькими рядами 9-метровых бревен. И в каждой из столь обширных гробниц похоронено лишь по одному человеку — мужчина или женщина. Могилы полностью ограблены. В них найдены: золотые и бронзовые украшения, наконечники стрел, обломки горшков. Однако безусловно, это — гробница знатного вождя и его жены.

В центре минусинских степей, в 60 км севернее от г. Абакана, есть урочище Салбык, хорошо знакомое не только ученым, но также краеведам и туристам. Здесь в радиусе 5 км разбросано 56 курганов, высота некоторых из них достигает 11 м. В этой «долине царей» тагарцы хоронили вождей и других особо важных людей. Размер кургана, очевидно, зависел от степени знатности умершего. В сооружении этих гробниц участвовало огромное число людей, и не исключено, что усыпальницы возводились еще при жизни того, кому они предназначались.

Самый грандиозный курган «долины царей» называется Большой Салбык. Его насыпь была сложена из дерновых брикетов с прослойками глины, и до наших дней она сохраняла пирамидальную форму, особенно хорошо заметную в утренние и вечерние часы. Первоначально насыпь составляла 25 м, но по прошествии более 2 тыс. лет она значительно расплылась. Однако и сейчас при 11-метровой высоте курган выглядит величественно. Оплывшая насыпь скрыла монументальную ограду, но по-прежнему возвышались над землей массивные угловые камни высотой до 5 м, вес которых достигает 50 т.

В свое время Ф. И. Миллер писал о них в дневнике: «...Особливого удивления достойны превеликие камни, коим некоторые могилы обкладены, и притом в таких местах, в коих поблизости не видно никаких каменных гор, из которых бы оные камни брать можно было, так что сии камни с неописанным трудом из весьма отдаленных мест привозить надлежало»[1].

4*

Каким образом и откуда привозили в урочище для могил эти глыбы, стало известно после раскопок Большого Салбыкского кургана. Его раскопал в 1954—1956 гг. выдающийся советский археолог С. В. Киселев. Благодаря тщательному исследованию была восстановлена подробная картина сооружения кургана.

...Подобно египетским фараонам, тагарский вождь пожелал увидеть свою гробницу еще при жизни. Ее возводили сотни людей в течение нескольких лет, летом и зимой. Камни и дерево пришлось доставлять издалека. Самые крупные плиты выламывали в обнажениях Енисея, расположенных за 70 км от урочища. Те, что поменьше, вырубали в горах поближе. Зимой глыбы волокли по насту из деревянных катков. За бревнами лиственницы ездили в тайгу, тащили их оттуда на аркане. Когда груды заготовленных камней и бревен достаточно выросли, стали делать ограду. Для нее вырыли канавки, ограничив площадь кургана 490 м². Монолитные плиты предстояло вкопать в эти канавки. Но как быть, если каменные глыбы неподъемны? Внутри площади, огороженной канавкой, пришлось построить еще одну «ограду». Ее сложили из бревен на расстоянии 2—3 м от канавки. На эти бревна вкатывали плиты строившейся каменной ограды, перетягивали их через бревна, и под действием собственной тяжести огромные камни соскальзывали в вырытые для них канавки. Чтобы плиты не бились, дно канавок выстилалось деревом. Так была построена вертикальная каменная ограда высотой 2 м. Еще 20 более высоких и крупных плит поставили вдоль стенок через равные промежутки. Но сооружение ограды этим не кончилось. Пространство между каменной и деревянной оградами заполнили землей, а поверх нее сложили стенку из небольших плиток, подогнав их к каменной ограде. В результате общая высота стен ограды достигла 3 м. С восточной стороны был сделан «вход» в виде 14-метрового коридора. Стенки его также сложили из плит. Когда строительство ограды закончили, приступили к сооружению самой погребальной камеры. Для этого вырыли яму площадью 25 м² и глубиной 180 см. Стенки укрепили вертикальными стойками, а по углам толстыми бревнами, на дно поставили рубленый сруб из четырех

венцов бревен, а пол покрыли досками и берестой. Сверху яму закрыли шестью бревенчатыми накатами площадью 64 $м^2$, а верх склепа уложили бревнами так, что он приобрел вид усеченной пирамиды высотой 2 м. Верхние бревна пирамиды завернули в прошитую бересту, а поверх всего уложили еще 15 слоев бересты. Попасть в камеру можно было через дромос — спускающийся вниз коридор шириной 2—3 м. Стенки дромоса обложили досками, застлали берестой и сверху плотно покрыли еще раз досками. В завершение все сооружение над камерой обложили множеством дерновых брикетов, впоследствии превратившихся в земляную насыпь.

Сооружая такие грандиозные жилища для усопших, тагарские вожди стремились возвеличить себя и после смерти, но вместе с тем в этом выражалось желание уберечь свой прах от надругательства. Ведь тагарцы сами грабили могилы своих предшественников, потому они пытались всеми способами избежать ограбления захоронений своих сородичей. Строителям Салбыкского кургана для охраны владыки показалось недостаточно шести рядов бревен над камерой и огромной насыпи. Чтобы отвести «беду», они убили несколько взрослых людей и детей — эти жертвы захоронены под угловыми камнями ограды. Вход в ограду закрыли плитами и бревнами. Но если бы грабителям удалось найти его, им пришлось бы долго искать вход в саму гробницу, который был с противоположной стороны. Наконец, для охраны вождя при входе в склеп положили двух задушенных или отравленных слуг. Однако все ухищрения оказались напрасными. Грабители побывали в гробнице дважды. Впервые туда проникли еще в древности, возможно, современники, а в XVIII в. — бугровщики, оставившие в насыпи огромную яму глубиной 5 м. Археологи нашли в могиле лишь останки семи человек, крупный глиняный горшок и два бронзовых ножа. Кости принадлежали старику 70 лет и людям 35—40 лет. По предположению известного антрополога М. М. Герасимова, двое из погребенных были братом и сестрой. Сначала в склепе похоронили одного или двух человек, а позже остальных, принадлежавших к одной «царской» семье.

Салбыкский курган был сооружен в IV—III вв. до н. э., когда у тагарцев утвердился обычай делать трудоемкие погребальные камеры не для одного человека, а для нескольких. В единичных могилах в этот период хоронили по одному-два человека. Эти курганы принадлежат не вождям, но тоже знатным представителям общества. Наиболее удачными оказались раскопки кургана такого типа в 1971 г. у села Тесь на реке Тубе, правом притоке Енисея.

В 1889 г. Финская археологическая экспедиция под руководством И. Р. Аспелина раскопала здесь огромный курган II века до н. э. с обширной погребальной камерой, где было не менее 100 похороненных людей и множество разнообразных вещей, теперь хранящихся в Национальном музее г. Хельсинки. И. Р. Аспелин не случайно выбрал этот курган. На нем стоял камень с высеченной рунической надписью. На нее еще в 1847 г. обратил внимание соотечественник И. Р. Аспелина финский ученый М. А. Кастрен — основатель теории сибирского происхождения угро-финских народов. В конце XIX в. близ села несколько могил с коллективными захоронениями были исследованы А. В. Адриановым. В 1929 г. здесь производили раскопки С. В. Киселев, а спустя более 40 лет — Ленинградская экспедиция под руководством автора.

Среди раскопанных в тот год курганов один привлек особое внимание. Сравнительно небольшая земляная оплывшая насыпь высотой 2 м и диаметром 30 м закрывала каменную ограду 23×19,5 м. По углам и в середине по сторонам стояли высокие плиты, укрепленные контрфорсами. Две плиты образовывали вход в ограду, закрытый камнями. Внутри ограды располагались в ряд 4 могилы; каждая находилась в обширной глубокой яме, на дне которой стоял сруб высотой до 1 м с бревенчатым полом и потолком. Сверху яма была закрыта четырьмя накатами из толстых бревен и обложена плитками. После сооружения могил вход в ограду закладывали и воздвигали единую пирамидальную насыпь из дерна. Иными словами, каждая могила представляла собой типичное сооружение IV—III вв. до н. э., достаточно сложное как в своей надземной, так и в подземной части. Однако оно предназначалось не для коллективных захороне-

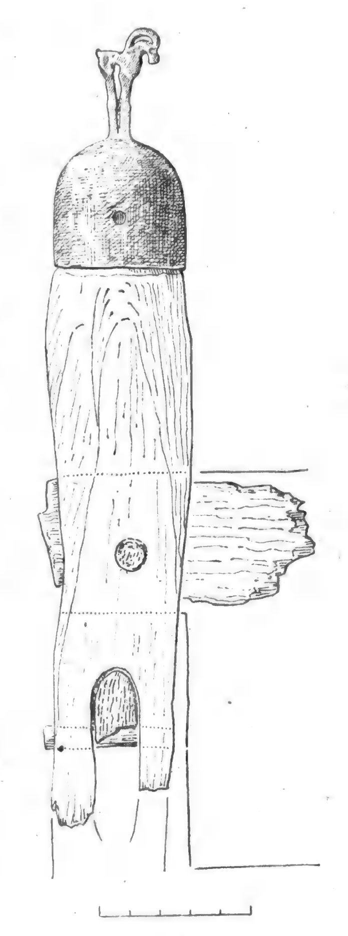

Рис. 15. Бронзовое навершие на стойке погребального ложа у с. Тесь. Раскопки автора.

ний, а для погребения отдельных людей. Действительно, в трех могилах лежали по одному взрослому человеку и лишь четвертое захоронение оказалось семейным склепом для двух взрослых и ребенка. Уже поэтому можно предполагать, что в кургане похоронены не рядовые люди, а представители тагарской аристократии.

В могилах сохранились бронзовые, глиняные, костяные и деревянные вещи. Однако наибольшее внимание привлекло то обстоятельство, что мертвых положили на специальные деревянные ложа в виде кроватей с дном, высокими боковыми стенками и четырьмя стойками-ножками. Боковые стенки «кроватей» расписаны охрой, узорами из полукруглых и зигзагообразных линий. Сверху ложе закрыто кожаным покрывалом или камышовым ковриком. К моменту раскопок, естественно, сохранились лишь части ложа, а большинство дощечек спрессовалось. Люди были положены на «кровати» в богатых одеждах, с оружием, предметами туалета, искусства, а под кроватями в больших глиняных сосудах и на деревянных блюдах оставлена пища. От украшений одежды остались бронзовые диадемы, гривны, бляшки головных уборов, сердоликовые, бронзовые и бирюзовые бусы, браслеты, стягивающие обувь у голеней. Кроме них обнаружены и такие предметы, как оленные бляхи, бронзовые зеркала,

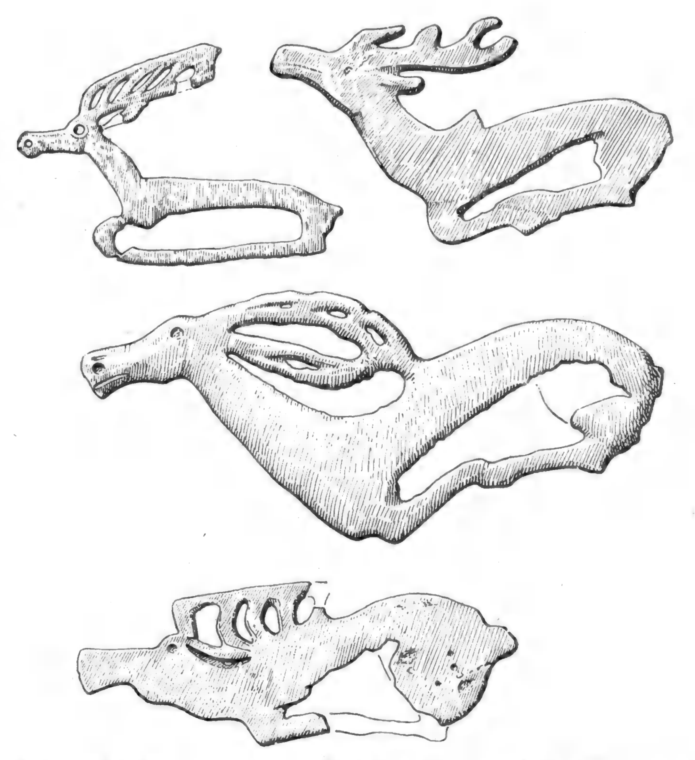

Рис. 16. Бронзовые изображения оленей из кургана у с. Тесь.

шилья, ножи, кинжалы, чеканы. Многие вещи украшены фигурками животных или облицованы золотом, особенно бусы и длинные деревянные рукояти боевых чеканов.

Погребальные ложа тагарских курганов были найдены впервые, но ими открытия не ограничивались. Дело в том, что археологи и ранее встречали отдельные предметы, смысл которых долго оставался не разгаданным. К числу таких загадочных изделий относились бронзовые колоколовидные навершия с фигурками козликов. Внутри их обычно находили куски дерева, что дало основание считать предметы навершиями боевых значков или булав. Но как велико было наше удивление, когда эти навершия с козликами мы увидели надетыми на верхние концы всех ножек «кро-

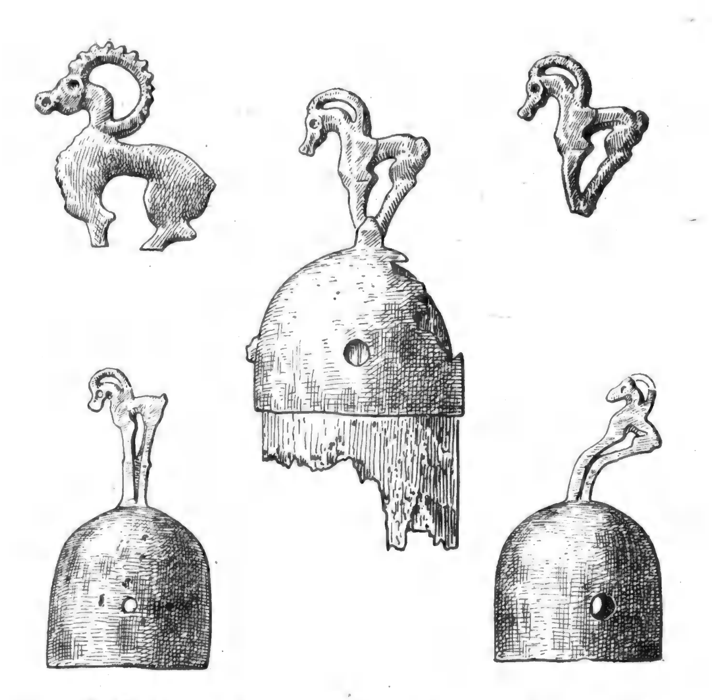

Рис. 17. Колоколовидные навершия и их детали из кургана у с. Тесь.

ватей» ...Сразу же вспомнилось интересное наблюдение П. С. Палласа: «Меня совершенно уверяли, что в сих могилах находят остатки деревянных гробов, в кои мертвые тела были кладены. Я достал слитые полукруглые пустые пуговки с изображением сайги, которая на четырех ножках такого ящика была утверждена»[2]. Конечно, навершия являлись не просто украшением. Козел, очевидно, считался родовым предком, тотемом, который изображался на предметах вооружения, боевых значках, а в погребальной церемонии знатных людей он украшал их погребальное ложе с магической целью и в то же время усиливал торжественность момента, пышность похорон.

Металлические навершия с фигурками животных были характерны для культуры и других народов «скифского мира». Они найдены в Аржане, на Кубани, Дону, в степной Скифии. Эти навершия крепили на длинные деревянные шесты с помощью втулок или

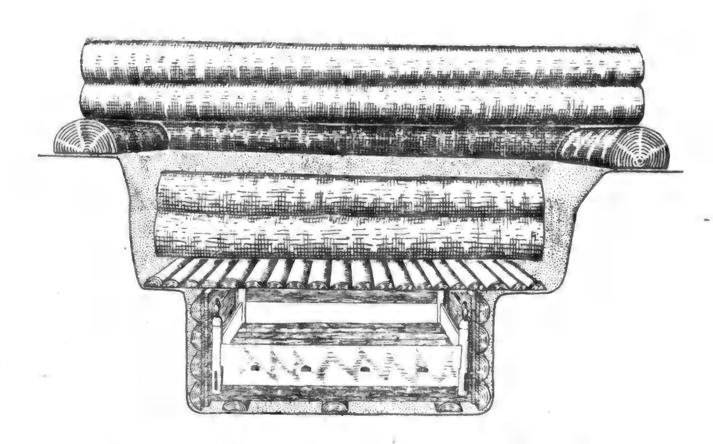

Рис. 18. Реконструкция погребальной камеры кургана у с. Тесь. Раскопки автора.

стержней. Европейские скифские изображения несколько отличаются от тагарских: они прорезные, часто с шумящими приспособлениями в виде бубенцов или подвесных колокольчиков. Ученые видят в них ритуальные предметы, связанные с культом солнца, идеей плодородия. Скифские навершия, видимо, украшали траурную колесницу или шесты погребального балдахина. Металлические навершия такого же типа, но древнее скифских и тагарских, известны в Закавказье и Передней Азии. Иногда их использовали так же, как сибирские. При раскопках холма Аладжа Гуюк турецкие археологи нашли гробницы «правящей династии» эпохи бронзы. Судя по опубликованной художественной реконструкции одной из гробниц, ее крыша была деревянная, на ней лежали шкуры жертвенных животных, убитых для погребальной тризны. Умерший вождь лежит на ложе около гробницы, в которой ранее погребли его жену в парадном облачении. С минуты на минуту рабы перенесут вождя в могилу. Ложе его выглядит, как низкая расписная кровать, на верхние концы ножек одеты бронзовые позолоченные навершия с фигурками быков. Художественно реконструированные «кровати» гробницы Аладжа Гуюк чрезвычайно похожи на сибирские «кровати», найденные у села Тесь.

Итак, сибирские племена скифского времени сооружали курганы для умерших аристократов, воинов и простолюдинов. Различия, оказавшиеся характерны-

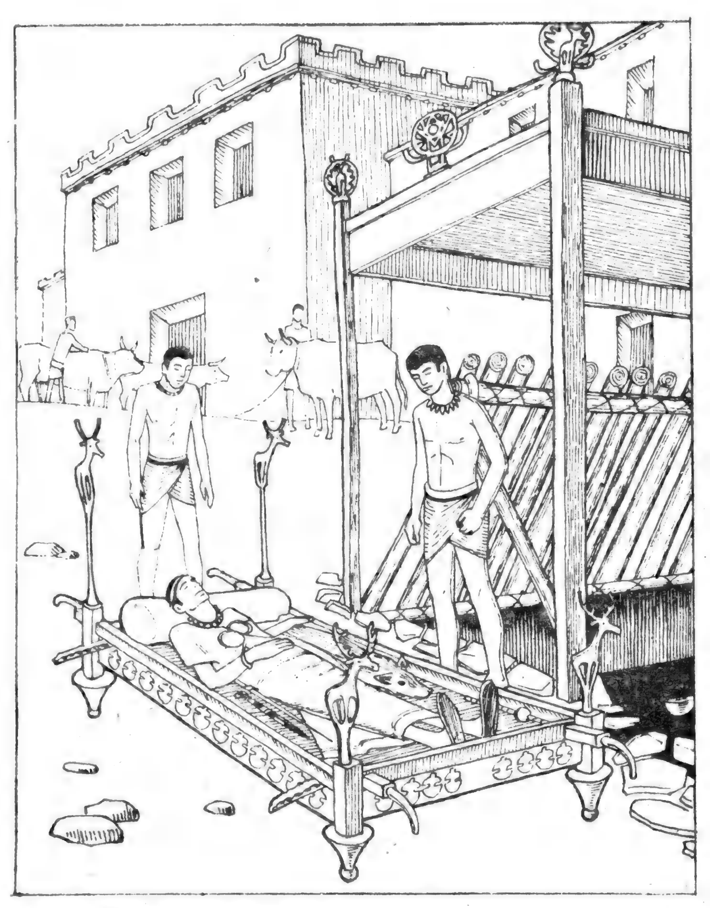

Рис. 19. Фрагмент художественной реконструкции гробницы Аладжа Гуюк, Турция. (Seton Lloyd Early highland Peoples of Anatolia. London, 1967, p. 26, fic. 10).

ми для гробниц, раскрывают далеко зашедшую в скифском обществе социальную и имущественную дифференциацию. Курганы тагарских вождей тоже сооружались при участии большого числа людей и в течение длительного времени. Сами погребения сопровождались человеческими жертвоприношениями. Племена азиатских степей создали столь же высокую культуру, что и собственно скифы.

ГЛИНЯНЫЕ «ГОЛОВЫ» И ГИПСОВЫЕ МАСКИ

П. С. Паллас прислушивался ко всему, что ему сообщали бугровщики, и беспристрастно, не высказывая своего недоверия, добросовестно делал записи для других. Из-за искажений они порой действительно выглядят фантастичными, но все же кое-что становится понятным после очередных научных открытий. Так было с его сообщением «о пустых пуговках с изображением сайги, утвержденных на четырех ножках ящика». Лишь после открытия погребальных «кроватей» стало ясно, о чем идет речь. Так было и тогда, когда в потоке ходящих в народе слухов он уловил сведения о «живых лицах». Подробнее о них ему рассказал бугровщик, которому «попадались в могилах человечьи головы в натуральную величину, внутри пустые, сделанные из фарфорообразной массы, раскрашенные красными и зелеными листьями». Спустя 100 лет легенда о «живых лицах» подтвердилась. Сначала обломанную глиняную маску человеческого лица, взятую из размытого кургана на берегу реки Абакан, близ улуса Нурилкова, принес в Минусинский музей крестьянин Данишкин.

В 1883 г. маски в кургане у Минусинска нашел А. В. Адрианов. Напомним, что живя в этом городе в ожидании посылки с инструментами для своей географической экспедиции, археолог, «чтобы не терять времени в ожидании», раскопал несколько курганов на Тагарском острове. В одной погребальной бревенчатой камере им было обнаружено более 20 гипсовидных масок; они лежали на черепах, отделенных от туловища, или прямо на кучках сожженных человеческих костей. Некоторые маски, по словам А. В. Адриа-

Рис. 20. Реконструкция гипсовой маски, найденной С. А. Теплоуховым у с. Батени.

Рис. 21. Гипсовая маска из склепа на Уйбатском чаа-тасе. Раскопки С. В. Киселева.

нова, отличались необыкновенным изяществом, имели узоры, нанесенные красной краской. Через несколько лет подобные маски, но более грубые и сделанные из глины, были найдены в курганах у села Тесь И. Р. Аспелиным, на Уйбате Д. А. Клеменцем. А еще позже, в 1895—1897 гг., аналогичные маски близ соленого озера Кызылкуль в Абаканской степи обнаружил А. В. Адрианов. Обе серии масок и черепов из его раскопок Н. М. Мартьянов сразу же послал для «всестороннего» изучения антропологу К. Горощенко, который не замедлил опубликовать результаты своего исследования. Выяснилось, что находки из курганов на Тагарском острове и близ озера Кызылкуль значительно отличаются. Первые были изготовлены из белой гипсовидной терракоты смешанного состава, в которую входили каолиновые глины. Маски лепили непосредственно на лицах умерших, поэтому оборотная сторона сохраняла отпечатки складок шеи, прядей волос. Кызылкульские маски делали из желтой жирной глины, которую иногда обмазывали сверху гипсовидной массой. Часто глину намазывали не на голову, а на череп.

Установлено, что глиняные головы и маски, которые делали во II в. до н. э., древнее гипсовых. Гипсовые маски научились изготовлять лишь спустя 100 лет, и они выделывались не менее четырех веков. Встречаются слепки, снятые с лица, передней половины головы с ушами и шеей, реже — маски-бюсты. Большинство масок изображало европеоидов с узкими и горбатыми носами, однако есть застывшие лица людей с монголоидными чертами. Хорошо сохранившиеся маски очень эффектны. Они белые, но раскрашены узорами, выполненными красной и черной красками. Находят слепки, сплошь окрашенные красновато-желтым цветом, близким к оттенку человеческой кожи.

Открытие первых масок вызвало живейший интерес. Погребальные портреты были известны в Египте, Месопотамии, Финикии, Карфагене, Кипре, Микенах, в «царских» курганах у Керчи и Ольвии и... вдруг на берегах Енисея. Сразу возникло множество вопросов. Местный ли это обычай или занесен сюда из дальних стран? Каково назначение глиняных голов и гипсовидных лиц усопших? Суждения возникали разные и порой противоречивые. Согласно одной из гипотез, маски изготовляли для того, чтобы сохранить для потомков черты лица умершего. Гипсовые слепки накладывали на лицо тем людям, которых захоранивали трупами. Но не всех людей хоронили сразу после смерти. В некоторых случаях усопшие где-то долго лежали, пока не превращались в скелеты. Тогда истлевший череп обмазывали глиной, иногда поверх нее еще клали слой гипса, и в таком виде реставрированную человеческую голову вместе с костями скелета предавали погребению. Подобной точки зрения придерживался и автор первых открытий масок А. В. Адрианов. В начале нашего века вышла работа С. К. Кузнецова, посвященная погребальным маскам, их употреблению и значению. Автор считал, что маски, восточные, западные и сибирские, имели целью сохранить изображение облика умершего, поскольку оно являлось обителью его души. Маска должна была помочь умершему благополучно достигнуть загробного мира, облегчить его душе возможность отыскать тело, чтобы соединиться с ним для новой жизни. Погребальные слепки с лица С. К. Ку-

знецов связывал с культом черепов. Действительно, с древнейших времен человеческая голова считалась особо священной частью тела человека, и многие народы разработали специальные обряды, связанные с почитанием головы или черепа. Они считались эмблемами военной власти, трофеями, амулетами, предметами поклонения. Еще в 1959 г. одна французская экспедиция наблюдала на острове Новая Гвинея следующий обычай: туземцы помещали умерших сородичей на платформы перед домом, а когда тело разлагалось, отделяли череп. Примеры почитания головы неисчислимы и нет оснований полагать, что культа черепов не было у древних сибиряков. Например, нанайцы хранили череп деда или отца в большом сосуде, а ненцы и юкагиры возили с собой голову или череп шамана. Такого рода традиции уходят в глубь веков. Как в этой связи не вспомнить окуневцев, которые изображали голову и погребали черепа как семейные реликвии. Первые сибирские скотоводы, афанасьевцы недаром высушивали и хранили головы некоторых покойников. Да и на других территориях Сибири этот культ прослеживается с доисторических эпох. Таким образом, мысль С. К. Кузнецова о масках-вместилищах души умершего совсем не исключает почитание черепа у тех, кто ваял эти маски.

Много масок было найдено советским археологом С. В. Киселевым. Основное назначение слепка лица он видел в желании сохранить облик покойника. Однако, одетая на лицо трупа, маска могла также служить для изоляции мертвого от внешнего живого мира. Иной смысл имели маски, положенные с человеческим пеплом. По наблюдениям исследователя, они слишком массивны и в то же время узки для человеческого лица, многие из них разбиты и обожжены. С. В. Киселев высказал предположение, что маски не берегли, а нарочно разбивали, и некоторые из них гибли в пламени погребального костра. Археолог сделал интересное сопоставление сибирских масок с римскими. Для похорон римских императоров и высших сановников изготовляли несколько одинаковых гипсовых и восковых портретных масок. Одной покрывали лицо покойника или его погребальный парадный манекен во время траурной церемонии. При погребении

или сожжении на костре маска сгорала вместе с телом. Бюст же умершего несли в похоронном шествии, а при погребении императора в маске умершего шел актер. Эти изображения предков хранились в семье, копии с них девушка-патрицианка приносила в дом мужа вместе с приданым. Так же, как и сибирские, римские маски делали портретными, а при погребении их уничтожали. Правда, каких-либо копий погребальных масок в поселениях сибирских племен римского времени не обнаружено, но С. В. Киселев был убежден, что со временем их найдут. Они непременно должны быть, ибо «только их наличие может объяснить ту поразительную портретность, которой так настойчиво добивались их мастера...»

Однако маски, которые после похорон должны были сохраниться, пока не найдены. Более того, выяснилось, что в Сибири маски специально не сжигали и не разбивали. Те что были обожжены, как выясняется, горели вместе с другими вещами уже в погребальной камере, а не на костре.

По мнению другого известного сибирского археолога и историка Л. Р. Кызласова, семантика масок не однозначна. Более древние, глиняные маски, как и «глиняные головы», просто воссоздавали человеческое лицо, чтобы подготовить труп к длительному хранению до погребения.

Поздние же маски, которые клали в могилы с человеческим пеплом, изготовляли для каких-то обрядов, которые совершали родственники покойника в период после сожжения умершего и до предания пепла земле. В домах родичей постепенно накапливалось множество масок. Чтобы знать, кому они принадлежали, их делали портретными. Более конкретные объяснения Л. Р. Кызласов, как и С. В. Киселев, предложил и для семантики масок, которые накладывались на лицо покойного. С помощью их стремились, очевидно, оградить мертвого от живого, поскольку именно такой смысл просматривался в погребальных масках народов севера Сибири в недавнем прошлом. Не случайно поэтому Л. Р. Кызласов прямо сопоставил древние маски с лоскутом оленьей шкуры хантов, которым родичи наглухо перевязывали голову умершего. В том же качестве могли выступать платки или мешки. В таком

случае на месте глаз, рта, носа и ушей пришивалось по пуговице или монетке.

Археолог и этнограф А. Н. Липский, сопоставляя маски с обычаями сибирских народностей, по-иному интерпретировал их назначение. Хакасы, нанайцы, ульчи и другие народности считали невозможным, чтобы душа умершего перешла в страну мертвых вскоре после смерти. Нужен был срок, чтобы тело умершего превратилось в скелет. За это время, находясь среди живых без присмотра, душа мертвого могла потеряться. Последнее было нежелательно, так как душа умершего должна была вновь возвратиться на землю, воплотившись в новорожденного. Потеря душ умерших могла понизить рождаемость. Чтобы не допустить этого, сородичи изготовляли куклы, изображавшие покойника, и разными способами «вселяли» в них его душу. Кукол кормили, берегли, приносили им жертвы. В день окончательных похорон костей или пепла изображение покойника клали на могилу, реже в могилу, сжигали или ставили в домиках мертвых. С той же целью изготавливали древние портретные маски.

Прошло несколько десятков лет с тех пор, когда советские археологи С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов и А. Н. Липский высказали свои гипотезы. Значительные работы ленинградских археологов в зоне Красноярского моря, новые находки и тщательные наблюдения внесли в раскрытую выше картину существенные уточнения. Стало известно, что маска покрывала лицо не только умершего, но и его «заменителя» — погребального манекена. Это объясняет, почему среди масок есть такие, которые представляются слишком узкими для лица покойного. Однако возникает сомнение, что маска «изолировала» мертвого от живых. Ведь погребальная кукла, кажется, не могла принести вреда окружающим. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в погребальные камеры помещали как трупы, так и манекены, черепа и кости. Кроме того, на костях черепов обнаруживаются следы масок, сами же маски не сохранились. Следовательно, маски предназначались для того, чтобы обеспечить длительное хранение покойного или манекена до момента их одновременного захоронения. Таким образом, предположение о стремлении сохранить «нетленным» образ

покойника, кажется наиболее оправданным. Но, возможно, правы также исследователи, связывающие портретность маски с верой людей в существование душ. Можно высказать более прозаическое объяснение: гипсовое застывшее лицо с индивидуальными чертами помогало сородичам спустя несколько лет после смерти, когда наступал срок погребения покойника в могилу, не перепутать его с кем-либо другим.

Существо идей, связанных с «глиняными головами», иное. В последние годы несколько «глиняных голов» обнаружены участниками Красноярской экспедиции. Но самая замечательная находка сделана сотрудниками Кемеровского университета при раскопках кургана у села Шестаково. Голова, найденная здесь, была вылеплена из тонкой размельченной глины с незначительным включением кварцита и воссоздает индивидуальный портрет молодого мужчины с сильно покатым лбом, глубоко запавшими глазницами, тонкими губами и прямым тонким, немного вздернутым носом. Четко выражен европеоидный тип. Голова первоначально была прикреплена веревками и стержнями к специальному муляжу, туловищу, имитирующему тело умершего. Затылочная часть вылеплена грубее лица. Ее поверхность неровная, ничем не заглажена, имеет отпечатки пальцев рук. Видимо, затылок был закрыт шапкой. Шестаковская голова, как и некоторые другие, была вылеплена по черепу. Существует мнение, что голову специально обрабатывали для сохранения от гниения.

Страшный обычай превращать труп после определенной обработки в скелет возможен. Он был известен, например, в Сибири у юкагиров. Когда умирал шаман, его родственники, в перчатках и масках, отделяли мясо от костей трупа, то и другое сушили, делили между собой, зашивали в мешочки и носили в виде амулетов. Череп же присоединяли к деревянной скульптуре, изображавшей умершего.

Ученые пока не знают, почему племена, населявшие степные и лесостепные территории Красноярского края, начиная с IV—III вв. до н. э. стали сооружать могилы, в которые хоронили до несколько десятков человек. Бывает, могила никем не ограблена, но в ней находится значительно больше черепов, чем ске-

летов. Черепа не сброшены, а лежат аккуратными кучками, иногда покрыты плитками. В тех же могилах часто захоронены кости скелетов, уже выветрившиеся. Значит, трупы долго не захоранивались. Эти наблюдения впервые были сделаны А. В. Адриановым, но выводов из них до сих пор не последовало. Но ясно, что от некоторых мертвецов к моменту погребения сохранялись одни головы, медленнее подвергавшиеся гниению. Постепенно люди научились реставрировать полуистлевшие головы, а еще позже — мумифицировать трупы, оберегая их от быстрого разрушения. Для лучшей сохранности внешнего облика покойника поверх мумифицированной головы накладывали гипсовую маску. Сибирские маски не были заимствованы где-либо; они возникли здесь, на месте, как результат верований древних людей и практики хоронить в могилу сразу несколько умерших в разные сроки. Многое, связанное с масками, остается, однако, до сих пор неразгаданным. Поэтому пока остаются в силе слова Д. А. Клеменца, касающиеся загадочных гипсовых портретов: честь будет тому, кто объяснит, что это за маски.

ЗАГАДКИ ГОРЫ ОГЛАХТЫ

На левом берегу Енисея, в 40 км ниже города Абакана, расположена горная группа Оглахты. Вдоль реки она тянется приблизительно на 15 км, глубоко вдаваясь внутрь страны. На стороне, обращенной к Енисею, горы представляют собой сплошные утесы, покрытые множеством древних рисунков. Здесь Оглахты неприступны. По трем сторонам сохранились стены мощного средневекового каменного укрепления. В месте, где береговой утес особенно крут и высок, сверху донизу тянется глубокая выбитая борозда, известная под названием «богатырской тропы». По преданию, изо дня в день ходил здесь к водопою богатырский конь и проторил на скале дорожку, по которой не решается спускаться ни один человек. Эта горная местность вся пересечена многочисленными логами, узкими и глубокими, почти совсем лишенными леса. В одном из них произошло событие, ставшее началом интересного исследования.

Осень 1902 г. Моросит дождь, застилая густой мглой мрачные очертания сопок. Неприятно в такое время в горах, но куда-то запропастился жеребенок, и Егор Кокашкин из улуса Кокашкина уже полдня скачет по логам, всматриваясь в отдаленные темные точки. Вдруг на одном из склонов горы под задними копытами коня что-то рухнуло. Конь резко метнулся в сторону и остановился, а Егор свалился в яму. Выбравшись из нее и оправившись от испуга, он вновь подошел к яме. Подивился. То, на что наступил конь, оказалось потолком древнего склепа. Бревна не выдержали тяжести всадника на коне и обрушились, образовалась дыра. Заглянул в нее Егор, но испугался еще больше; «как живых», он увидел двух мертвецов, из

которых один скалил зубы, а лицо другого было сплошь закрыто расписанной маской. В ужасе он умчался в улус. О происшествии «пострадавший» сообщил теще — Домне Ивановне Хубековой, казачке. Домна Ивановна была женщиной храброй и практичной. Наслышавшись о могильных сокровищах, она не замедлила проникнуть в склеп. Позже казачка рассказывала, что внутри в рост человека она увидела двух скелетов. Один, как ей показалось, сидел на лавке, череп от него валялся на полу. Другой сидел в противоположном углу как бы на коленях, прислонившись к лавке. На нем была глиняная маска, плотно прилегавшая к лицу. Под ней оказалась зеленоватая шелковая ткань, покрывавшая лицо покойника. На лавке Хубекова нашла замшевый кошелек с кисточками и черепки горшка. На полу валялось чучело человека, набитое травой, на чучеле — «замшевая» куртка. Только как не искала Домна Ивановна, золотых вещей она не нашла. Впрочем, долго оставаться в могиле женщина побоялась, да и свеча все гасла. Чучело Хубекова оставила, а маску и кошелек снесла домой и продала за 15 копеек в соседний улус Егору Чебачакову, который долго потом показывал их таким же, как он, любопытным.

Слух о «провалившемся» кургане с «заживо в нем погребенными» той же осенью достиг Красноярска, где в то время жил А. В. Адрианов. Александр Васильевич, служивший в то время ревизором управления акцизными сборами Енисейской губернии, отправил на место происшествия акцизного надсмотрщика С. С. Григорьева проверить сообщение. В январе археолог получил обстоятельное письмо с подробным описанием случившегося со слов очевидцев. С. С. Григорьев просил археолога осмотреть весной могилу, так как боялся, что Хубекова вновь примется за раскопки. Дело в том, что наблюдательная казачка, обойдя склон горы и «по звуку ногами обнаруживающейся земной пустоты», решила, что рядом должны быть такие же. А. В. Адрианов переслал письмо Григорьева в Петербург, в Археологическую комиссию и получил ассигнования на работы в этой местности.

Впервые он осмотрел оглахтинскую могилу еще в феврале 1903 г. Нашел под снегом меховую куртку,

принятую Хубековой за «замшевую», и череп, с которого та сняла маску. Осмотрев поверхность склона вокруг могилы, Адрианов насчитал 40 малозаметных впадин — предположительно могил, и установил охрану. Ежедневно по очереди все домохозяева ближайшего улуса Саргова были обязаны посещать могилу и «о всяком замеченном подозрительном ее изменении» немедленно докладывать абаканскому начальству. В конце июля А. В. Адрианов вновь приехал производить раскопки, но на сей раз долго не мог найти увиденных зимой впадин. Он ходил по ровному склону, выстукивал землю, разглядывал неровности и состав земли, но без результата. Убежденности, что в том или ином месте скрыта гробница, не было. Разочаровавшись, археолог решил перебраться ближе к Саргову улусу, где у отрогов Оглахты отчетливо виднелось множество курганов. И вдруг однажды вечером, взобравшись на вершину горы при закатных лучах солнца, он увидел еле приметные круглые впадины. Так состоялось вторичное открытие могильника, принесшего успех отечественной науке.

Деревянные камеры с полом и потолком были построены из толстых лиственничных бревен, изнутри гладко затесанных и настолько прочных, что рабочие на раскопках пилили и кололи их на дрова. Помимо глиняной посуды в камерах были деревянные корытца, блюда, чаши, бочонки, черпаки, ковши, ведра, ложки и т. д. Сохранились и более мелкие деревянные предметы: модели лука, кинжалов, мечей и даже шпильки. Имелись также остатки одежды из меха и кожи: шапки, шубы, ремешки, тесемки. В гробницах лежали остатки мумифицированных тел, кучки пепла сожженных трупов, кости и черепа, которые хранились ранее где-то в другом месте. Под головы умерших подкладывались камень, обрубок дерева, деревянная или кожаная подушка. Вместо этого иногда делалось возвышение из земли и мелких зерен проса, прикрытое тканью или мехом. Благодаря высоким подголовникам, черепа и плечи скелетов оказались приподняты. В могиле, обнаруженной Е. Кокашкиным, на дне было сооружено ложе на четырех высоких тумбах, сделанных из корня дерева. В результате перелома поперечин средние части досок спустились, а близ

стен остались приподнятыми. Из-за этого Хубековой показалось, что «покойники сидели». На всех черепах были погребальные маски, тонко залощенные, сплошь окрашенные красной краской или расписанные узорами в виде крупных спиралей. Сняв одну маску, любопытная казачка, как говорилось, нашла зеленую шелковую ткань, покрывавшую все лицо. А. В. Адрианов нашел кусочки такой же шелковой материи, которые прикрывали глаза и рот умершего.

Ценными находками оказались погребальные куклы в рост человека и одетые так же, как настоящие покойники. Это были кожаные чучела, туго набитые жесткой травой. Их сделали из кожаных мешков различных размеров и форм, которые составляли руки, ноги, туловище и другие части тела. Мешки сшивались на скорую руку через край из лоскутков, а все детали чучела скрепляли жилами и ремешками. Головы мастерили из кома травы, обтянутого кожей и шелком, на котором изображали черты лица. На одной из голов был шелковый капор. Лица двух кукол закрывали гипсовые маски. Чучела развалились на части и перемешались с человеческими черепами и пеплом. Сохранились накладные и вплетенные косы, но установить, кому они принадлежали — чучелам или людям, было трудно. Не удалось установить и назначение некоторых предметов.

А. В. Адрианов, а позже и С. А. Теплоухов предполагали, что куклы изображали тех, кто сопровождал умерших в загробный мир. Наиболее увлекательную и обстоятельную интерпретацию предложил Л. Р. Кызласов, который провел аналогии между оглахтинскими находками и погребальными куклами хантов. Как и другие народы, ханты хоронили покойников со всеми необходимыми им для ведения нового хозяйства в потустороннем мире принадлежностями. Считалось, что покойник, а вернее, его «тень», начнет новую жизнь: в «царстве теней» он появится младенцем, начнет расти, а через год достигнет зрелости. Но будучи ребенком, он не сможет самостоятельно стать на ноги. Чтобы ему помочь в этом, ханты изготовляли куклу. В течение года ее кормили, поили, одевали, умывали, укладывали спать. Кукла была изображением умершего. Чаще всего ее делала вдова для своего мужа. Сначала изго-

тавливалась маленькая кукла, а потом побольше. Когда же проходил год и считалось, что умерший «вырос», то куклу делали размером в нормальный человеческий рост. После этого ее клали в могилу, где лежал покойник. Тень умершего возвращалась к его телу, причем вполне взрослой и самостоятельной. В Оглахтинском могильнике куклы иногда лежали поверх скелетов. Л. Р. Кызласов считал, что куклы как раз и были вместилищами «тени» того человека, которого погребли здесь. Этот манекен сбрасывался в могилу спустя некоторое время после смерти сородича.

С. А. Теплоухов в свое время раскопал могилы, похожие на оглахтинские на речке Таштык, левом притоке Енисея. С тех пор племена, которые хоронили в могилах не только мертвецов, но и погребальные куклы, ученые стали называть таштыкскими, жившими в степях Енисея с I в. до н. э. по IV — V в. н. э. Это уже были, видимо, предки древних хакасов. Именно они изготовляли гипсовые маски. У них же возник обычай сжигать трупы на погребальных кострах, а пепел захоранивать. Сначала сжигали не всех умерших, а лишь немногих взрослых, но со временем этот обычай распространился на все население. Кладбища этих племен своеобразны. Наибольшая часть территории отведена под грунтовые ямки, которые располагались ровными рядками. Их десятки и сотни. На дне ям устроены низкие срубы. На другом участке кладбища стоит несколько каменных склепов. Это неглубокие, но просторные котлованы под высокими бревенчатыми крышами. Котлованы плотно окружены каменной стеной, а изнутри облицованы плитами и бревнами. Намертво замуровывали тех, кого клали в глубокие ямы. Крышку сруба засыпали землей, на поверхности оставляли лишь небольшой холмик. Каменные же склепы долго стояли открытыми. В них время от времени через специальный вход вносили новых покойников. Лишь когда гробница полностью заполнялась умершими, на крыше и стенках склепа разжигали костры, и души усопших с языками пламени возносились, по представлениям древних, в «страну предков». По краю кладбища вкапывали длинные параллельные ряды камней, иногда высоких. Перед ними устраивались ежегодные поминки. Между плитами и в их основании клали приноше-

ния: один-два сосуда с напитком, несколько кусков баранины или говядины.

Почему таштыкские племена одних людей хоронили в ямах, а других в обширных каменных гробницах-склепах? С. А. Теплоухов считал, что за этим скрываются различия в хронологии. Он высказал убеждение, что сначала всех хоронили в ямах, а позже стали сооружать каменные склепы. Но С. В. Киселев видел в этих различиях иной социальный признак. По его мнению, в могилы клали рядовых общинников, простолюдинов, а в склепы — представителей аристократических родов или семей. Л. Р. Кызласов же считает, что разные погребальные сооружения отражают две этнически разные группы населения. Иным словом, единого объяснения пока нет.

Знаменитые оглахтинские могилы полны вещей, причем многое из найденного было сделано из дерева, бересты, меха, кожи, т. е. из несохранявшихся, как правило, материалов. Таштыкцы не клали в склепы настоящего оружия. Они старались даже украшения погребальной одежды сделать из коры либо кожи. Но некоторые предметы покрывали тонкими золотыми листочками. Ими обкладывали деревянные пряжки, бусы, пуговицы, обшивали ворот и обшлага платья, что придавало пышность погребальной одежде.

В склепах, обычно сожженных, лучше сохранились деревянные предметы: скульптурки людей и животных, остатки церемониальных зонтов, лаковых чашечек, резной утвари. И все же это — малость по сравнению с тем, что было положено первоначально. Оставалось надеяться на удачу в будущем...

Работая в зоне водохранилища, на обоих берегах Енисея, у бывших сел Аешка, Новая Черная, под горами Барсучиха и Тепсей наша экспедиция рассчитывала на такую удачу. Глядя на мои поиски, жена чабана из села Новая Черная рассказывала, будто где-то поблизости кулаки закопали ценный клад и, вздохнув, добавила: «Вот бы Вам его найти». Из вежливости мы соглашались, хотя интересовало нас другое: многочисленные заплывшие от времени ямы, на которые вряд ли обращали внимание местные жители. А между тем ямок были сотни, они покрывали весь склон горы.

Копать было трудно. Лето стояло дождливое. К тому же наступало рукотворное море и порой приходилось расчищать скелеты, стоя по колено в воде. Срубы сохранились плохо, и мы, кроме сосудов, почти ничего не находили. Успокаивало лишь то, что удалось заметить новые детали погребального обряда, а среди находок попалась уникальная костяная булавка с навершием в виде двух горных козлов с подогнутыми ножками. Это изящное, высокохудожественное изделие стало одним из ценных экспонатов Эрмитажа. Еще более повезло под горой Тепсей, где М. П. Грязнов нашел в склепе деревянные обугленные дощечки с изображениями, вырезанными острием ножа. Рисунки запечатлели бегущих оленей, лосей, медведя, волка, а также всадников, пеших воинов с луками и стрелами, иногда в боевых доспехах. На дощечках представлены картины битвы, угона добычи, погони. Уникальные деревянные миниатюры, очевидно, служили иллюстрациями героического эпоса и исторических повестей таштыкского народа.

Погребальные куклы, найти которые мы мечтали, не встретились. Но их назначение все же неожиданно раскрылось и совсем по-новому. Давно замечено, что таштыкцы хоронили пепел сожженного на погребальном костре не в сосуде или коробке, а в чем-то сооруженном из травы. Поскольку иногда сожженные косточки человека находили в комках травы, археологи предположили, что останки умерших помещали внутрь своеобразных травяных гнездышек. В 1968 г. в склепе под горой Барсучиха, на левом берегу Красноярского моря, М. П. Грязнов обратил внимание на то, что остатки трупосожжений лежат очень плотными овальными кучками, как будто ими ранее были набиты узкие пакеты или мешочки наподобие кулька. В тот же год среди рукописей А. В. Адрианова удалось найти упоминание об обнаружении в куртках травяных оглахтинских погребальных кукол сожженных человеческих косточек. Может быть, кульки с пеплом помещали внутри самих человекообразных кукол-манекенов? Гипотеза заманчивая, но подтвердить ее могли лишь новые находки кукол. А. В. Адрианов раскопал в Оглахте далеко не все могилы, но кроме него никто из археологов это место не посещал и со временем его

забыли. В 1969 г., вооружившись точными описаниями места расположения могильника и его фотографиями, сделанными А. В. Адриановым, я с несколькими сотрудниками отряда отправилась в горы. Весь день мы лазали по склонам, но безрезультатно. Вечером нам повстречался чабан. Мы разговорились, показали ему фото. Чабан жил в этих местах недавно, не знал ни названия гор, ни разыскиваемого нами лога. Казалось, помочь он ничем не мог. Но напоследок я рассказала ему историю, случившуюся в горах с Егором Кокашкиным. Выслушав, чабан подтвердил: «Всякое люди болтают. Вот здесь за горой я отару пасу, трава хорошая, а напарник мой не пасет, мертвецов боится, тоже, говорит, сидячих находили, а там-то и вовсе нет ничего». Мы заволновались, заторопились, спустились с чабаном с горы и увидели заросшие березняком раскопки А. В. Адрианова. Нераскопанные ямки действительно малоприметны, но их было здесь очень много. Правда, неограбленные гробницы в Оглахтах — редкое чудо. Но одна такая была здесь летом этого же года раскопана Л. Р. Кызласовым. Она имела вид сруба площадью 5 м^2, с деревянным потолком. Венцы сруба и потолок сверху закрыты слоем бересты. В могиле захоронены три мумии (женщина, мужчина и ребенок) и две куклы в рост человека, изображавшие мужчин. И те и другие одеты в теплую зимнюю меховую одежду. На женщине — меховые штаны и шуба из овчины, мехом внутрь, на мужчине — меховые куртка, гетры, подвязанные у колен тисненными украшениями, штаны из козлиного меха. Поверх куртки одета шуба из меха оленя, ворот и борта которой отделаны мехом пушного зверька. На груди нагрудник с завязками вокруг шеи, сшитый из шкуры сурка. Ноги обуты в легкие туфли с мягкими подошвами, на голове шапка-ушанка, руки в меховых рукавицах. Лица обоих трупов покрыты масками, женская раскрашена спиральным узором, мужская — полосами. Любопытна новая деталь — мужская маска была закрыта кожаным чехлом. Куклы-чучела сшиты из кожи и набиты травой. На голове одной из них сохранился человеческий скальп с волосами и кожаный головной убор. Голова второй обтянута шелковой тканью; красной краской нарисованы брови, глаза, нос, рот и раскраска лица. На темени пришита подковооб-

разно уложенная косичка из каштановых человеческих волос. Куклы одеты, как и трупы, в меховые штаны и куртки. На ногах одной меховые носки и сапожки, на руках меховые рукавицы. Под головами мумий и чучел лежали деревянные и кожаные, набитые травой, подушки. Под спины подложены куски березовой коры, детская шубка из меха овцы с оторочкой из соболя, волка или лайки. В ноги положено много предметов, главным образом из дерева: корытце, черпаки, чаши, лопатка, модели луков, нагайки, конские узды, псалии, древки стрел, окрашенные в красную и черную краску, и т. д.

Удивительно, но на горе Оглахты сохранились вещи, исчезнувшие без следа в других местах. А все дело в низкой температуре слоя, в котором залегали находки. Особые условия, оказавшиеся характерными для гробницы, сохранили и позволили даже реконструировать прически умерших.

Уникальная гробница знакомит с многочисленными предметами домашнего быта древних жителей Оглахты, но самое большое научное открытие в другом. Внутри кукол-человеческих манекенов оказались мешочки с пеплом человека. Значит, погребальные куклы действительно изображают не что иное, как самих умерших и сожженных.

Мягкие каштановые с проседью волосы оглахтинского мужчины с боков головы гладко выбриты, а от макушки до темени собраны в слабо заплетенную косу. Подковообразно уложенная косичка пришита к голове куклы. Интересно, что похожая прическа изображена на голове мужской скульптурки, найденной С. В. Киселевым в одном из склепов на реке Уйбат: голова обрита, а на макушке уложена коса плетеная на каркасе. Аналогичная коса была найдена и А. В. Адриановым.

На обугленных тепсейских художественных миниатюрах, открытых Красноярской археологической экспедицией, воины имеют прически в виде «конского хвоста», но очень часто на темени показана непонятная «шишечка», плоская и зауженная к корням волос. Что она означает, прояснилось при новом изучении вещей, найденных А. В. Адриановым в горах Оглахты. Среди них есть кожаные миниатюрные мешочки,

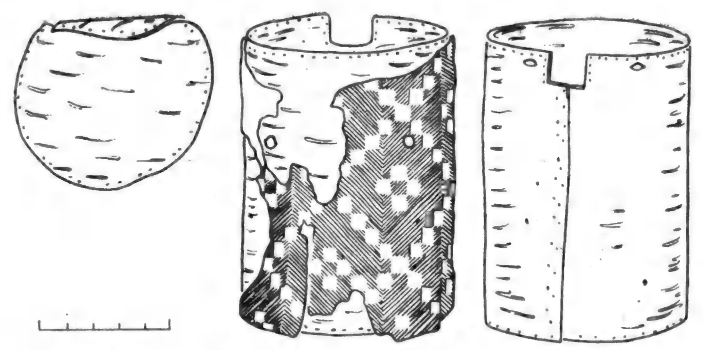

Рис. 22. **Берестяной колпачок, закрывавший косичку, свернутую на темени.**

внутри которых сохранились тоненькая косица и остатки деревянных шпилек. Эти колпачки и изображены на головах тепсейских воинов. Колпачки одевали сверху на косичку, уложенную на темени; завязывали их на голове ремешками или закалывали шпильками.

Женские прически разнообразнее. На тех же тепсейских миниатюрах женщины запечатлены с распущенными волосами или с высокими замысловатыми прическами из накладных кос. Однажды в 1976 г. у деревни Комарковой под Минусинском я обнаружила части такой прически: тоненькая заплетенная на темени косица продевалась в узкую длинную трубочку, служившую каркасом прически, а узел сооружали, видимо, из накладных волос. Прическа закреплялась 15 костяными шпильками и имела высоту более 10 см. Подобные высокие прически археологи наблюдали в алтайских захоронениях скифского времени. Так, в одном из курганов урочища Пазырык на покойнице была деревянная шапочка с отверстиями — каркас для прически. Волосы, заплетенные в косицы, продевались сквозь эти отверстия, затем обматывались другими, накладными, и полосками войлока, а после завязывались в огромный узел, закрепленный железной булавкой.

Большинство женщин Оглахты носили более скромные прически: одну косу, уложенную на макушке или темени. Сверху косу закрывали берестяным футляром-накосником в виде небольшого туеска, а снизу накосник вместе с косой закалывали одной либо не-

сколькими костяными и деревянными шпильками. Эти накосники, обтянутые шелковой тканью, А. В. Адрианов назвал «ритуальными туесками». Снизу, на затылочной части у некоторых накосников проделано небольшое отверстие, через него продевали кончик свернутой собственной косички и в него вплетали толстую косу из чужих волос.

Трудно переоценить научное значение уникальных оглахтинских гробниц. Они раскрыли смысл кукол-манекенов, дали представление о материале и покрое одежды населения, прическах, изготовления домов и утвари. А вот почему одних покойников мумифицировали, а других сжигали и хоронили в виде кукол — неизвестно.

Гора Оглахты раскрыла еще не все свои загадки. Много тайн древней истории скрыто в курганах Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

МИФЫ О МОГИЛЬНОМ ЗОЛОТЕ НА ЕНИСЕЕ

[1] **Радлов В. В.** Сибирские древности, т. 1, вып. 2. Спб., 1891, с. 21—22.

[2] Там же, с. 52.

[3] **Полное** собрание законов Российской империи, т. 5, 1713—1719, с. 541 (далее: ПСЗ).

[4] **Сборник** русского исторического общества, т. 11. Спб., 1872, с. 372 (далее: Сб. РИО).

[5] **Радлов В. В.** Сибирские древности, т. 1, вып. 2, с. 24.

[6] Там же, т. 1, вып. 3. Спб., 1894, с. 138.

[7] Там же, т. 1, вып. 1. Спб., 1888, с. 10.

[8] Там же, с. 18.

[9] **Ватин В. А.** Минусинский край в XVIII веке. Минусинск, 1913, с. 30—31.

[10] **Радлов В. В.** Сибирские древности, т. 1, вып. 1, с. 12—13.

[11] Там же, т. 1, вып. 3, с. 55.

[12] Там же, с. 91.

[13] Там же, с. 96—99.

[14] **Паллас П. С.** Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 3, кн. 1. Спб., 1788, с. 506—507.

[15] **Центральный** государственный архив г. Москвы, ф. 454, 1864—1923, № 522, № 6.

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СИБИРСКИХ КУРГАНОВ

[1] См.: **Ватин В. А.** Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинк, 1922, с. 2—12.

[2] Архив Минусинского музея, оп. 1, д. 67, л. 77 (далее: архив ММ).

[3] Библиотека Томского государственного университета, архив Потанина, № 1403, д. 499, б/л (далее: ТГУ).

[4] Государственный исторический музей, отдел письменных источников, ф. 104, д. 1030/6, л. 226 (далее: ГИМ ОПИ).

[5] Архив ММ, оп. 1, д. 44, л. 134.

[6] ТГУ, архив Потанина, оп. 227, № 1403, д. 449, б/л.

[7] ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 1030/6, л. 265.

[8] Архив Ленинградского отделения Института археологии, ф. 1, 1888 г., д. 23, л. 15(далее: архив ЛОИА).

[9] ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 1030/6, л. 231, 245.

[10] Архив ММ, оп. 1, д. 41, л. 951.

[11] Там же, д. 44, б/л.

[12] ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 1030/6, л. 253.

[13] Архив ЛОИА, ф. 1, 1888, д. 23, л. 136.

[14] Там же, л. 137.

[15] ТГУ, архив Потанина, оп. 227, № 1403, д. 334, б/л.

[16] Архив ЛОИА, ф. 1, 1888, д. 23, л. 155.

[17] ТГУ, архив Потанина, оп. 227, № 1403, д. 334, б/л.

[18] ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 1030/6, л. 233.

[19] Архив ММ, оп. 1, д. 67, л. 77.

[20] ГИМ ОПИ, ф. 17, д. 1030/6, л. 251, 263.

[21] Архив ММ, оп. 2, д. 65, б/л.

ДРЕВНИЕ СКОТОВОДЫ СИБИРИ

[1] См.: **Басилов В. Н.** Мужские дома в Бонгу.— Советская этнография, 1977, № 6, с. 96.

КАМЕННЫЕ ИДОЛЫ

[1] **Степанов А.** Енисейская губерния, Спб., 1835, с. 129.

[2] **Радлов В. В.** Сибирские древности, т. 1, вып. 1, с. 10.

[3] **Енисейские** губернские ведомости, 1859, № 24.

[4] **Клеменц Д. А.** Минусинская Швейцария и боги пустыни.— Восточное обозрение, 1884, № 7.

КУРГАНЫ ЗНАТИ

[1] **Радлов В. В.** Сибирские древности, т. 1, вып. 3, с. 120.

[2] **Паллас П. С.** Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 2, кн. 2. Спб., 1786, с. 454.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов А. В. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска.— Изв. Рус. географ. о-ва, Спб., 1884, т. XIX.

Адрианов А. В. Курганография Сибири. (Обращение ко вс... любителям старины и изучения края).— Приложение к «Сибирской газете», Томск, 1884, 14 мая.

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г.— Зап. Сибирского отд-ния Рус. геогр... о-ва, Омск, 1886, кн. VII, вып. II.

Адрианов А. В. Наставление к собиранию материала для ар... логической карты Енисейской губернии акцизным ра... ездным надсмотрщикам. Красноярск, 1902.

Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924.

Адрианов А. В. Оглахтинский могильник.— Приложение к газете «Сибирская жизнь», 1903, 16, 23 ноября.

Вадецкая Э. Б. Древние идолы Енисея. Л., 1967.

Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин.— Изв. Лаб. археологических исслед., Кемерово, 1973, вып. VI.

Вадецкая Э. Б. Тагарские погребальные ложа.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.

Вадецкая Э. Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее.— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975.

Вадецкая Э. Б. Отражение общественных отношений и социальной дифференциации в погребальных памятниках афанасьевской культуры Енисея.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976.

Ватин В. А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1922.

Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее.— Материалы Института археологии, 1955, вып. 39.

Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры.— В кн.: Археологический сборник Эрмитажа. Вып. 13. Л., 1971.

Дэвлет М. А. Большой Салбыкский курган — могила племенного вождя.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1976.

Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I. Спб., 1900.

История Сибири, т. I. Л., 1968.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Клеменц Д. А. Минусинская Швейцария и боги пустыни.— Восточное обозрение, 1884, № 5, 7, 9, 12.
Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск, 1886.
Коваленко Т. Реставрация гипсовых погребальных масок.— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1972, с. 78—83.
Кузнецов С. К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906.
Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960.
Кызласов Л. Р. Кто жил в Хакасии две тысячи лет назад.— Наука и жизнь, 1969, № 12.
Липский А. Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры (II в. до н. э.— IV в. н. э.) в свете сибирской этнографии.— Краеведческий сборник, вып. 1. Абакан, 1956.
Мартынов А. И. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника.— Советская археология, 1974, № 4.
Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Восточно-Уральского Междуречья. М., 1974.
Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт. Л., 1970.
Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. кн. 1. Спб., 1786; ч. 3, кн. 1. Спб., 1788.
Пестов Н. Записки об Енисейской губернии. М., 1833.
Теплоухов С. А. Древние погребения в Минусинском крае.— Материалы по этнографии, 1929, т. III, вып. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

готовит к печати книгу:

Гурулев С. А. Что в имени твоем, Байкал! — 7 л.

Из всех названий сибирского озера-моря («Ламу», «Тенгис», «Бэйхай», «Далай» и др.) самым загадочным является «Байкал». Происхождение его связывают с древнетюркским, бурятским, якутским, тибетским и арабским языками. Рассмотрению этих вариантов и посвящена книга.

Написанная живым, образным языком книга представляет интерес для широкого круга читателей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

